А3602 Рос 4-4/1-857

Казакия

Центральный Государственный архив Татарской Республики и соц. стр-тельства СС
Ф. № 1030 оп. № 3 ед. хр. 2147

№ 4 (22)

май 1937 г.

СОДЕРЖАНИЕ

1. От президиума центрального правления ВК-КН.

ОТДЕЛ НАУЧНЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ:

2. Др. С. А. ФЕДОРОВ: Казачья нация (Национальное название).
3. Инж. В. Г. ГЛАЗКОВ: Маразм компартии и стахановщина наизнанку.
4. С. БАЛЫКОВ: О казачьей эмигрантской журналистике.
5. Ш. БАЛИНОВ: На стороне правды.
6. А. ЛЫСЕНКОВ: „Казачий Майдан".
7. ОТ РЕДАКЦИИ: Краткая справка.

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ:

8. МИХ. МУРЗИН: Казакам-Националистам (стих).
9. ГНАТ МАКУХА; (стихотвор.)
10. А, БОЯРИНОВ: Серпиешка и прокурор (окончание).

ОТДЕЛ ИСТОРИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ:

11. † Проф. ЩЕРБИНА: Пережитое, передуманное и осуществленное (прод).
12. А. Н. ТРОФИМОВ; Степан Тимофеевич Разин (продолжение).
13. П. МАНЧЕНКО: З доби болгарського лихоліття.

ЖИЗНЬ КАЗАЧЕСТВА ЗА РУБЕЖОМ:

14. У казаков-националистов в Праге.
15. Полк. П. НЕДБАЕВСКИ: Письма.
16. Протоколъ. В. К. Коша № 3.
17. Хроника.
18. Постановление.
19. Приговор,
20. Постановление,

Представители журнала:

1. Owsianik. König. Elisabethstr. 8. Berlin — Charlottenburg.
2. Balinoff. 7. rue du Chemin-Creux. Joinville-le-Pont (Seine) France.
3. Jng, Tulaiew. Litewska, 7 m. 4. Wilno. Pologne.
4. Jng. Fedorow. Jaromirova, 456. Praha-Nusle údoly. Ç. S. R.
5. Jng. c. Mosev. Brno. Jakubska. 1. Ç. S. R.
6. Jng. c. Pertiliev. Beograd. Donska, 1. Jugoslavie.
7. J. Bezuglov. Bratislava. Marsnerova, 13. C. S. R.
8. Khoroujenko. 82, av. Sidoine Apollinaire. Maison-O-Lyon (Vaise). France.
9. Anikouchine. Box76. Avon Lake. Ohio U. S. A,
10. Elisseeff. 31a, Str. Cassianu. Cluj. Romania
11. Alimoff. 3.Av. Albert-Bartholemè. Paris — 15. France.
12. агр. И. М. Евсиков; ул. Царь Асенъ, 69. София.

Плату за журнал, материалы для журнала и всю переписку по делам редакции, направлять по адресу: S. Balykov. Trnavske Cesta, ev. c. 150. Bratislava. Tchecoslovaquie.

Гонорар не платится. Ненапечатанные материалы не возвращаются и редакция по поводу их в переписку не вступает.

Рос 4-4/1-857

КАЗАКИЯ-КОЗАКІЯ-KOSAKIA

ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ И ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ

под редакцией: С. БАЛЫКОВА, Г. ЕРЕМЕНКО и Ф. ОБОЛЕНСКОГО

№ 4 (22) Май 1937 года. № 4 (22)

ОТ ПРЕЗИДИУМА ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРАВЛЕНИЯ ВК. — КН.

Сегодняшняя международная политическая обстановка предвещает о приближении времени, когда руководство казачьим национальным движением обязано будет выйти на внешнюю политическую арену, чтобы казачий вопрос продвинуть в разряд вопросов международного политического масштаба.

Центральное Правление уже имеет под собою моральную почву и потому предвидит в перспективе реальные политические достижения. Но оно откровенно заявляет, всему национальному Казачеству, что сегодняшнее внутреннее состояние движения не только тормозит его развитие, но и грозит погубить все дело. Наличие двух враждующих очагов не только ослабляет нас внутри, но приносит большой морально-политический ущерб и во вне.

Только видя и ощущая эту опасность, сознавая всю ответственность за судьбу дела всех сознательных элементов Вольного Казачества, руководствуясь интересами нашего национального дела, зная — в чем заключается интерес данного момента, несмотря на чрезвычайные трудности, сопровождающие его инициативу, Центральное Правление решило сделать последнее усилие в пользу необходимого об'единения всего Национального Казачества вокруг одного, солидного, законного и общего центра.

Казаки-националисты! . . Ныне вы находитесь накануне с'езда, на который искренне и горячо приглашаются представители всего Национального Казачества без различия групп. Сознавая важность момента, Президиум Центр. Правления ни о чем ином сейчас не может говорить, как только о необходимости его и о том, как лучше нам провести с'езд.

Поэтому еще раз призываем всех вольных казаков понять, хоть наконец, всю опасность, происходящую от разрозненного состояния наших сил, и помочь нам в нашем благородном и полезном для ВК. стремлении. Мы хотим должным образом организовать силы Национального Казачества пред решительным моментом, потому что мы действительно честно стремимся к казачьей свободе и самостоятельности,

Дорогие станичники! . . Поймите, хоть наконец, что разрозненное и неорганизованное состояние нашего движения наруку только тому фактору, который тайно проводит антиказачью политику под прикрытием только национальных лозунгов, не доводя, однако, казачьи силы до надлежащей готовности.

Еще поймите братцы: Если мы с вами третий год безнаказанно проводим в разбитом и разрозненном состоянии, то это не значит, что мы и дальше без проигрыша для всего нашего национального дела можем продолжать нашу внутреннюю борьбу. Только представьте себе, — что было бы, если бы события развернулись в прошлом году! . . В разрозненном состоянии Вольное Казачество неспособно выполнить свою задачу, ибо одна сторона не пойдет за другою, с движением раздвоенным никто серьезно считаться не может. Пора нам изжить коренную причину нашего разрушения и оздоровить организм ВК.

Ввиду чрезвычайной важности предстоящего с'езда, также и вопросов, подлежащих его решению, считаем нужным сделать необходимые уточнения по вопросу о с'езде:

1. Представители редакций неполитических (беспартийных) Казачьих журналов и организаций, само собою разумеется, могут участвовать только с правами совещательного голоса по общеказачьим вопросам. Вопросы же чисто политические и внутриорганизационные, конечно, будут решаться без их участия.

2. Округа, организации вне округов и редакции националистических печатных органов, которые изберут делегатов на с'езд и имеют возможность командировать их на свои средства, должны, согласно предложения През. ЦП в № 21 „Казакии“, заблаговременно сообщить Президиуму ЦП. (по адресу: Bezuglov. Marsnerova, 13. Bratislava. Tchecoslov.) — имя, фамилию, даты рождения и точный адрес делегата. И только этим лицам будет сообщено о точном времени и месте с'езда.

3. Президиум ЦП. в данное время принимает от вольных казаков (одиночек, групп и организаций) всяческие проекты и предложения по вопросам: организационно статутным, декларативно-программным, внешне политическим и пропагандным, дабы эти вопросы были разработаны ко времени с'езда при максимальном контакте со всем мыслящим Национальным Казачеством.

Председатель ЦП. **И Безуглов.**
Член Президиума **Г. Еременко.**
Генеральный Секретарь **С. Балыков.**

Д-р С. Федоров (ЧСР).

Казачья нация

(Национальное название)

Для формирующейся народности появляется еще вопрос, связанный с его национальным именем. В конце концов имя это не должно иметь того острого значения, которое придается ему в политической борьбе; мы имеем новую нацию „югославянскую", где на имени Югославия, сходятся все составные части народностей этого государства, потому что она не отдает гегемонией названия какой-либо одной народности, слагающей Югославянскую нацию. Ведь довольно давно и совсем недавно, в Югославянскую нацию проэктировали включение и болгар путем добровольного об'единения; и мы знаем, что видные государственные и политические деятели Болгарии были сторонниками этой концепции. Наконец мы имеем образование нации Чехословацкой — путем слияния народностей чехов и словаков.

Расходовать энергию так, как например, это делают из-за названий: „Украина" и „Малороссия", не стоит, потому что, в конце концов, по существу своему и тот „малороссиянин", который так упорно борется против „Украины" есть же украинец, с московином он никогда не поставит себя на одну доску. Перенесение же на казачью почву этого боя из-за названия, ничем не оправдывается, он не жизненен и искуственно вызван политической неприязненностью.

Среди казачьей интеллигенции и слепо идущей за ними части массы, многие еще трясутся над названием Россия—русские, но ведь мы знаем что донской люд давно противопоставлял себя именно этому русскому названию. Зачем же углублять борьбу в этом отношении, прививать казачеству мысль, что русский выше казака, по национальному определению, когда лучше всего итти за голосом народа, так, как это было и в старину.

Эта проблема естественно уже разрешена для Казачества. Название казак, казачий народ, казачья нация, имеют за собою традицию столетий и являются гордостью казака. Хотя как ни пренебрежительно старались придать названию — казак оттенок менее ценного, варварского еще в Руси Литовской, Польше, Турции и Московском государстве в отдаленные времена и до наших дней, как ни старались привить такое же отношение в социалистических и иных европейских кругах в позднейшее время, или например, в совсем недавнее советскими прихлебателями, радовавшимися над уничтожением „ставшего позорным слова казака" — слово это является гордостью Казачества и в самой Европе и в целом свете, там, где нет предвзятости, является символом отваги, доблести, мужества, особого казачьего *демократизма*, правдивого, а не гнилого, западно-европейского продукта французской революции.

А как же Русь? русский?

Долгие столетия название Русь принадлежало исключительно современной намъ Украине и, тем не менее, по мотивам политической борьбы и национального отмежевания украинцы уступили его народу московскому, целикомъ уже к нашему времени его воспринявшему. В такой же степени процесс восприятия названия—Украина, украинский, прошел в годы пореволюционные в самой Украине, особенно заметна была борьба в более позднее время на Украине Галицкой и Подкарпатьи. В первой, под влиянием национального самосознания народа, решающий перевес взяла Украина, в то время, как на Подкарпатьи, по мотивам государственно-политическим, упорно еще поддерживается борьба за название Подкарпатская Русь, русские, хотя нет никакого сомнения, что население ее есть украинское, говорящее языком украинскимъ. Тут на публичных выступлениях доходило до курьезовъ, когда говорящего по русски заглушали криками, что не желают слушать „по украински", а за то при переходе их на украинщину—одабривавших — „ето і є по руському".

Исторически украинцы в праве были говорить: мы „русские", а вы — „московины" и тогда бы „тяжесть доказательства", что последние тоже русские лежала на Москве, ибо еще в XVI столетии европейские ученые, да и позже, считали Русь и Московию за два особых племени, совершенно правильно и основательно. В конце концов, каждый народ имеет право свободно избирать себе национальное название и изменять его, как ему угодно, по тем или иным соображениям. Название это в сущности вывеска, которая самой сущности народа не изменяет, хотя отречение от собственного имени в определенной мере характеризует моральную слабость народа.

От того, что человек изменяет свою фамилию, его „я" не изменяется, тоже самое действительно и для народа. В конце концов, искуственное создание национальных признаков, по мотивам политическим или национальным, излишне. Политическо-национальное развитие народа в более значительной мере управляется действительностью, чем фикцией. Праотцам Казачества, черноморско—азовским славянским племенам, название Руси было присуще, оно еще более укрепилось с перенесением влияний политических владетелей Руси Киевской на территорию Тмутаракани и Приазовья. Это название продержалось там очень долгое время и не забылось до времен монгольских (татарских), хотя при отделенном государственном существовании от Руси Киевской и перенесении центра ее на Восток, а потом в Московию постепенно начало забываться. Во времена монголо-татарские, потомки Руси степовой постепенно начали добровольно принимать, или вернее выступать под названием Казакии.

Особенности степового „русского" племени того времени и способ его жизни стали настолько характерными, что имя казак получало смысл имени нарицательного — воина с присущими особенностями, нам известными. Отсюда и взгляд, что казак — название татарское, со всякими вариациями его

толкований, хотя именно к тому времени относится и восприятие киргазами названия казак, как национально-народностного имени — вполне характеризовавшего способ жизни киргизского народа, вернее племен. Имя казак, несмотря на презрительное значение, каторое старались ему придать соседи, — терпевшие от казачества, внедрилось в плоть и кровь его носителей и покрылось ореолом славы, рыцарства и геройства, по целому свету.

Оценка народов бывает различна. Читаем же мы в греческих источниках о первых действиях казачьих предков на побережьи Крыма и Трапезундском, как „о презренном своими действиями и названием новом племени Русь", это нас казаков не должно смущать ни в какой мере.

— Слава Богу, что я казак. Я горжусь тем, что я казак — пишут и говорят теперь казаки, интеллигентные и простые, и демократы „епропейские", и монархисты.

Русь — Украйна отказалась от своего первого имени и усилила значение второго, сделавши его национальным и государственным. Казачий народ с таким же успехом может защищать для своей тарритории название — Казакия.

Пусть даже утверждают, что казачье название есть именем нарицательным, а не территориальным. Но и тут история знает много случаев, когда нарицательные имена становились названиями народов и наоборот, народные — нарицательными. Так было в особенности во времена древние, ну а теперь мы это видим с швейцарцами; — швейцар в России значил привратник, сторож врат, потому что, ранее швейцарцы славились военными способностями и широко продавали свои услуги соседям, подобно казачеству; а в Чехии и в иных краях швейцар — значит доитель коров, заведующий молочным хозяйством — опять таки по иному признаку деятельности населения Швейцарии, нечто подобное „казачкам" в услужении, как обосновывал название казак, в свое время въ Праге, известный русский исследователь реестрового казачества Мякотин.

В государственном отношении казачьи земли в старину не входили в границы Великороссии и Малороссии. На старинных картах мы видим отдельно надписи—Малороссия или Украина и Земля Запорожская, Земля Донских казаков и совершенно не видим Великороссии в землях казачьих.

Желание выявить в своем национальном названии народную индивидуальность и не быть смешанным с другими племенами Востока Европы, которые носили или носят, подобное едноплеменное название и путем исторического процесса как то восприяли его в качестве определенного народностного названия, диктует Казачеству настоятельную необходимость иметь свое *собственное* отдельное народностное название, названия, навязанные ему должны отойти на задний план.

Раз украинцы, когда то совместно с Казачеством носившие имя Руси, отказались от него, раз белоруссы твердо подчеркивают свое „бело", то тем более бесценно для казаков судорожно держаться за русское название. Казаки националисты решительно и твердо от него отказались.

Казак, который говорит черноморским диалектом украинского языка, или донолинейским наречием, одинаково противопоставляют себя народностно и политически русским, и это должно быть закреплено на вечные времена.

Казачество имеет свое казачье название и должно вынести его на *ровень национального названия*. Примеры народов в старину и наших времен подтверждают это право Казачества.

Инж. В. Г. Глазков (ЧСР)

Маразм компартии и стахановщина наизнанку

Идейный и моральный маразм охватил большевицкую партию. Мартовский пленум ВКП(б) делает попытку вдохнуть в партию новую душу и выпрямить ее скорченное и окоченевшее тело. Увлекшись хозяйственными вопросами, в особенности вопросами сельского хозяйства, руководители партийных комитетов забросили политическую работу, они превратились в людей с узким кругозором, стали „заправскими делягами и снизили боеспособность партийных рядов". Хлебосдачи, выполнение всевозможных планов пятилеток вызвало забвение партийно-политических вопросов. Секретари партийныхъ комитетов стали больше походить на агрономовъ, бухгалтеров, спецрабов, перестали помнить о том, что они возглавляют политические организации, перестали быть политическими руководителями, и их политический багаж, и без того бедный, выветрился.

Устав партии о выборах партийных органов совершенно не соблюдается, что делалось, конечно же, не без благословения вышестоящих органов, в том числе и самого ЦИК-а. Согласно § 18 устава, выборы в первичных организациях и райкомах должны производиться ежегодно, а в областные и краевые комитеты в полтора года раз. Однако, они нигде не производились уже более трех лет.

Всюду процветали вместо выборов кооптация (введение) и назначенство. Одни секретари сменялись, другие назначались, третьи перебрасывались въ другие места. Это создавало атмосферу бесконтрольности и ответственности перед партийными организациями. В целом ряде организаций успели даже забыть, кого избирали в партком.

В тех же организациях, где все таки выборы и были, там выборность превратилась в простую формальность, в дискуссию. Партийцы должны были голосовать по указке секретаря, а „не подымешь руку — говорит некий Мальцев, — неприятностей не оберешься".

На фоне этого происходил подбор знакомых, подкуп, процветало кумовство и лицеприятие. Этим воспользовались контрреволюционеры, *националистические* осколки и троцкисты для своих гнусных вылазок" — пишет „Молот". За это „ослабление

революционной бдительности, за потерю большевицкого чутья и за тину сугубо местных вопросов" смещен вице-Сталин Азовско-Черноморского Края Шеболдаев со товарищи. На место Шеболдаева *назначен* Евдокимов, хотя сам Сталин на последнем пленуме ЦИК-а высказался решительно против назначенства.

Сейчас на всех партийных собраниях остро критикуется прежний состав Крайкома „за грубейшие ошибки, за слепоту, за протаскивание в руководящие органы врагов народа". Шеболдаев, как исключение из сов. практики, не получил даже иной функции.

Ныне бешенно проповедуются тайные выборы в парторганизациях, необходимые большевикам в качестве репетиций в предстоящих выборах в советы. Вся сов. пресса возвещает новую демократическую эру в жизни партий, призывает к самостоятельности мысли и свободе самокритики, сама, однако, рабско-трусливо ограничивается дословным копированием официальных докладчиков пленума ВКП(б), ничуть не отступая от казенных шаблонов.

Но никак нельзя считать, что началась какая то демократизация, ибо не даром Сталин в своем выступлении на пленуме 3 марта, отпечатанном лишь 29 марта- говорит, что „демократия не является самоцелью, а средством для активизации партийцев". Главная же задача: Сталин хочет провести набор преданных себе лиц, вот почему он предлагает каждому секретарю подобрать себе по два действительных заместителя, а это не новый ли будет поворот к назначенству, подхалимству и кумовству?...

От нахлобучки за увлечение хозяйственными вопросами, партийцы щарахнулись ныне в другую сторону — политруководства. Это катастрофально отражается на весеннем севе, где, благодаря отходу от хозяйства, райкомы, рики, райзо, не давили в такой степени на колхозников.

В результате, к 15 марта Азовско-Черноморский Край засеял всего 103 тысячи гектаров, в то время, как в прошлом году к 15 марта было засеяно 1 миллион 173 тысячи, т. е. в этом году в 11 раз меньше. Получилась стахановщина наизнанку. В Северо Кавказском Крае (ныне Орджиникизовском) и того хуже: там было засеяно всего 1 (одна) тысяча гектаров въ марте, против 132 тысяч в прошлом году.

Московская „Правда" от 20 марта приказывает секретарю Крайкома Евдокимову и председателю Ларину, чтобы „не чесали затылки, не проспали сев и последние решения пленума ЦИК-а". Евдокимов с Лариным признают совершенно правильным вскрытые недочеты в крае и дают распоряжение в „Молоте" от 21 марта всем секретарям райкомов и председателям риков, что они „лично отвечают полностью и целиком за выполнение плана сева в установленные сроки".

Бросаются все кадры на сев, из городов ползут в колхозы представители шефства, обязуют всех руководителей давать телеграфные и телефонные сведения о ходе сева. Виновников срыва исключают из партии и даже предают судебному следствию (Кривянская станица). Начинается вторая пошеболдаевская чистка.

Под угрозой гнева бывшего чекиста Евдокимова, колхозники сеют на незабороненной зяби, плохо заделывают семена, засевают недоброкачественными семенами и... несмотря на это к 20 марта выполняется всего 203 тысячи гектаров (с 103 тыс., засеянными до 15 марта), т. е. в общем 8 раз меньше, чем в прошлом году (1567 тыс. гект). Московская „Правда" от 31 марта снова, вторично предупреждает Евдокимова, подхлестывая и подгоняя его.

„В этом году, — пишет „Правда„ на юге сложились исключительно благоприятные условия для борьбы за урожай. Почва содержит много влаги весна ровная, дружная, многим напоминает весну 1930 года, когда был собран наивысший урожай за последнее время. Однако, руководители Азовско-Черноморского Края до сих пор не раскачались от спячки . Они дложны знать, что дальнейшее промедление с севом — преступление против интересов государства".

В своем постановлении от 29 марта Крайком и Крайисполком Азово-Черноморского Края дословно „признает совершенно неудовлетворительным ход сева по краю. За истекшую пятидневку, с 20 по 25 марта, план колосовых выполнен на 15, 8 процента. Прирост за пятидневку составил лишь 250000 га. Всего засеяно 451, 400 гектаров против фактического посева на это же число в прошлом году 1,906,000 га.

„Несмотря на указания Крайкома и Крайисполкома, подавляющая часть районов не выполнила плана посева колосовых к концу марта. Этому позорному отставанию нет никаких об'ективных причин для оправдания" („Молот" 30. III. 38). Крайком в 15 длинных пунктах принимает строжайшие меры против „нетерпимого и неоправдываемого" отставания. Большая часть секретарей райкомов и председателей риков получают строжайшее предостережение и выговоры, целый ряд их вызывается на дачу об'яснений в Ростов, прокурору вменяется в обязанность беспощадно наказывать виновных, многих постигло смещение с должностей или понижение в должности. Агрономам вменяется повседневное, личное наблюдение за качеством сева. Все винты и винтики пущены для спасения сева.

Как видно, лозунг Сталина сдать государству 7—8 милиардов пудов хлеба, казаки хлеборобы саботируют.

Казачество не заразилось большевизмом и не стало советским!

(Материалом послужила газета „Молот" от 1 марта по 1 апреля сг).

С. Б. Балыков (ЧСР)

О казачьей эмигрантской журналистике

Как постепенное изменение общественных условий и отношений у народов обусловили коренное изменение облика и характера мировой периодической прессы, так и появление двухмиллионной российской эмиграции, рассеявшейся по лицу земли, повлекло за собою появление специального журнала.

При этом у эмигрантов разных народов, вышедших из б. России, в зависимости культурного уровня их общественности, на различной ступени находится и эмигрантская журналистика.

Прежде чем говорить о казачьей эмигрантской прессе, необходимо, в качестве оправдывающего момента, упомнянуть о том, что у нас не было прессы, в полном значении этого слова, еще и дома. Как один из народов, подлежащих ассимиляции и растворению в среде русского народа, Казачество, хотя в некторых областях казалось элементом привиллегированным в сравнении с другими инородцами, в отношении — же атрофии местной культуры не составляло исключения из общего правила загона и ограничений. Только после революции начали было появляться первые ростки казачьей периодической прессы, которые очень скоро были растоптаны грубым сапогом „братского“ народа.

Поэтому совершенно не удивительно, что казачья эмигрантская журналистика вот уже два десятка лет все еще находится в стадии хаотического формирования. Культурное творчество в условиях эмиграции невероятно трудное и сложное дело: Несмотря на значительное количество разных журналов, у Казачества в эмиграции до сих пор нет ни одного хорошо налаженного, крепко ставшего на ноги, преуспевающего журнала; нет опытных журналистов, не говоря уже о редакторах и издателях; нет даже определенного кадра читателей, с надлежащей оценкой и запросом относящихся к родному печатному слову, как к одной из главных духовных потребностей.

Перед казачьей журналистикой, если не белый, то испещренный диковинными беспорядочными узорами лист.

Так как печатное слово для разбросанной и рассеянной повсюду казачьей эмиграции является единственной духовной связью и национальной скрепой, то одной из самых важных задач казачьей патриотической интеллигенции представляется необходимость наладить, укрепить и улучшить свою эмигрантскую прессу, памятуя, что на Родине у наших братьев этой возможности вовсе нет. В этом отношении Казачество обижено больше кого — либо в СССР. У чувашей, у мордвинов, зырян, якутов, ингушей, бурятов, калмыков, киргизов, татар и т. д. и т. д, — у всех есть на родном языке по десятку разных газет, журналов, выходят книги, есть школы, развивается литература, только у казаков всего этого нет!

Безспорно, что путь развития и укрепления казачьей журналистики в эмиграции будет чрезвычайно труден: казачья журналистика не только не имеет широкой, благоденствующей народной массы в качестве читательского резерва (базы потребителей, но и те не многие люди, которые предполагаются потребителями, с каждым годом уменьшаются в числе: расселенная большею частью в родственных странах, казачья народная масса (да и интеллигенция тоже!) сравнительно быстро ассимилируется; мало того, что она вообще мало читала, но и те немногие, кот. читали, начинают больше обходиться туземными „утренниками“ и „вечерниками“, довольствуясь убогой пищей этих тощих органов, поставляющих дешевый пестрый материал для низового потребителя. Если внимательно присмотреться к действительности и глубже вдуматься, то перспектива казачьей перссы поистине печальна!..

Как это ни странным покажется, но я нахожу, что самым роковым моментом для судьбы казачьей эмигрантской журналистики (да и вообще печатного слова), как проводника общественной культуры и организатора общественной мысли, явилось то обстоятельство, что в первые десяток с лишним лет различные казачьи политические и административные центры, имея на руках значительные денежные средства (казачьи государственные, или получ. от иностранцев), слепо и необдуманно борясь за влияние над массой, издавали и тюками даром разбрасывали в массу журналы и газеты, не думая о последствиях.

Эти первые деятели казачьей эмигрантской прессы, не подумав о необходимости накопления и расширеня зрелого читательского кадра, как громадного значения культурного фактора, не подумав о степени воспринимаемости своей народной массы, забросали, завалили ее слишком обильной и дармовой пищей по принципу: „Ешь, не плоченое!“... К сожалению, так бывает всегда, когда одни и те же люди, потерпев неудачу на одном деле, сгоряча берутся за новое. еще более для них темное. Так казачьи былые вожди, погубив героическую борьбу Казачества ошибочной ориентацией, в зародыше исказили и путь казачьей эмигр. прессы: Казачий читатель в эмиграции, таким образом, с самого первого читательского шага, усвоил дурное понятие, взял дурной навык, получил вредное представление. — У него укрепилась мысль, что материал для чтения это не столько его личная духовная потребность, сколько обязанность вождей, чего-то там заедающих, а крохи, в виде журналов и газет, бросающих по необходимости казакам. Отсюда у казака крепко укоренилось убеждение, что чтение не дложно вводить его в расходы. Он установил этакое пренебрежительное отношение к печатному слову, которое, без всяких затрат с его стороны, дложно быть в его пользовании. Вот где причина того курьезного явления, когда некоторые казаки обижаются, что ему не присылают того или иного журнала!.. Труд и пот работников печати для нашей массы не является трудом, заслуживающим хотя бы такого-же уважения, как, например, рубка

дров, а просто заполнением пустого времени от нечего делать.

Но правительственные рессурсы кончились. Поддержка иностранцев прекратилась. Культурные и общественно-политические интересы Казачества выдвинули потребность заложить казачью прессу на собственные гроши партий и групп, казачью прессу опереть на сознательность самой казачьей массы, и тут-то она ему сказала. Даже сочувствуя идее журнала, состоя членом организации, казак не желает платить за свой журнал. На беду к их услугам — дешевая местная пресса, просматривая которую казак своевремеино узнает, что „Мусалинин сказал и чивой-та етот папа в политику замешалси". А что родная пресса гинет, что народ без собственной прессы почитается ныне за дикарей, недостойных свободы, может ли додуматься простой человек?. . .

А как было бы правильно, если наши журналистические предшественники (б. вожди) те солидные средства, при той благоприятной кон'юнктуре и при том былом прекрасном отношении к российской эмиграции, истратили бы на дело практического и прочного устройства, хотя бы части казаков, тех, которые шли за ними, а журналистику заложили бы на обычных принципах самоокупаемости, самоподбора читателей!? Вместо безоглядного издания (как попало!) и дармового разбрасывания, ведущего только к развращению психологии и обесценению печати, находили бы и удовлетворяли запросы тех, хотя и немногих, которые созрели до потребности платного чтения родной прессы. Какое это большое и культурное было бы дело, и как бы организованно и крепко стояла ныне казачья журналистика, выполняя свою положительную общественную, культурно-политическую роль!?

Но дело не окончательно погублено. Оно только направлено по ложному пути. Вместо положительной воспитательной роли, при той постановке, оно развращало инстинкты. Но пути и средства для исправления положения еще можно найти. Нужна только согласованная, планомерная, систематическая работа многих работников сегодняшней казачьей прессы Нужно казачью эмигрантскую прессу, как единнственное и важное средство не только общения с массой, но и общественного воспитания ее, перевести на иные рельсы. Необходимо соглашение хотя бы между редакциями идейно родственых журналов на предмет полезного взаимодействия.

Нужно раз и навсегда запомнить, что дармовое разбрасывание и подсовывание журналов совершенно не увеличивает влияние их идей в массе. Наоборот, даром подсовываемый журнал вызывает больше подозрений и кривотолков.

Необходимо редакторам и издателям научиться вести журналы в рамках общепринятых традиций прессы, памятуя о том, что печатный орган не только пропагандирует известную идею, но играет большую общественную воспитательную роль, что последняя во много раз увеличивается в своем значении, потому что наша журналистика несет службу в чрезвычайной обстановке, когда Казачество обездолено, раструшено и там и здесь, и налицо — самая реальная и крайняя опасность.

Поэтому, все казачьи журналы, при всем разнообразии их идейных направлений, имеют одну общую и полезную цель: Духовное подкрепление, культурное воспитание, моральное сохранение казачьей массы, чтобы она могла в свое время оказаться на высоте защитника той или иной человеческой ценности, той или другой идеи. Следовательно — все казачьи журналы должны избегать всего того, что может портить нрав, развращать мораль казака.

Идейная тенденция, т. е. подкрашивание действительности в свою краску, идейно-эгоистическая сервировка одной и той же правды различным способом разными органами является непременным условием функции всякого политического печатного органа, но эта тенденция имеет свои рамки, свою черту, за которой уже начинается область непозволенного. Идейно-политическая тенденция, вовсе не есть повод ко лжи, клевете, инсинуации, всяческим небылицам.

Даже неизбежная идейная полемика между органами разных групп имеет свою мерку. Опытный редактор должен помнить, что излишняя порция полемики вредит журналу, потому что в этом случае создается у читателя впечатление, что люди хотят быть правыми во всех решительно случаях, за всякую цену, с пеной у рта спорят даже в случаях проигранных.

Самым ярким образцом неумного и разлагательского способа ведения органа печати это — „Казачий Набат". Такой цинично-лживой, такой беспардонной газеты едва ли кто когда-либо знал! . . Много она гринесла вреда казачьей общественности, убивая доверие простых казаков к казачьему печатному слову, вселяя отвращение у всякого культурного человека к казачьему печатному слову, но больше всех за всю ложь, клевету, грязные и фантастические выдумки, за издевательство над правдой, над совестью, эта газета поплатилась сама. Я не говорю о том, что за ложь редакция „Вольного Казачества" засудила ее и довела до закрытия. Я говорю о том позорном крахе, который „Казачий Набат" заслуженно потерпел во время выборов Донского Атамана, когда весь шум-бум младороссов кончился . . . 137-ю голосами из 5000 голосовавших. А уж „Казачий Набат" ли не врал бравировал, суетился и шумел! . . Да, издавать идейную политическую газету, видимо, одно, а с партизанским отрядом совершать набеги на крестьянские села — другое.

Казачья общественность должна твердо запомнить, что издавать такую газету, как „Казачий Набат" нельзя. Такой газетой ни массу не воспитаешь, ни симпатии иностранцев к казакам не завоюешь. Только большевицкие агенты, с целью подрыва казачьего престижа и с целью морального разложеиия Казачества, могли бы издавать такую газету.

Предстоящий С'езд казачьего национального сектора, на который могут с'ехаться представители восьми редакций, мог бы явиться благоприятной почвой и хорошим случаем ддя обмена мнениями и принятия твердых решений хотя бы по основным моментам молодой казачьей журналистики в эмиграции. Не нужно забывать, что „печать хороша или плоха в зависимости от того, кто ею руководит".

Шамба Балинов (Фр.)

На стороне правды

Об'ективный исследователь исторических событий, разбирая поведение и поступки тех или иных исторических лиц, непременно учитывает не только ту эпоху, но и ту реальную обстановку, в которой данное лицо действовало. Для того же, чтобы сделать оценку этому лицу в свете сегодняшних явлений, необходимо честно разобраться в моральной основе этого человека и только после этого говорить — что делал бы он сегодня, в наших условиях,

Эти бесспорные предпосылки абсолютно были игнорированы И. А. Билым, недавнишний доклад которого (на тему о Степном и Кубанском походах) я слушал в числе 30-ти человек. Помимо этого уклонения от общепринятого правила, освещая Степной поход, он совсем почти не коснулся психологического и политического значения его, не упомянул о заслугах инициатора и руководителя этого похода.

Такой подход докладчика к общеизвестному историческому событию у меня лично создал впечатление, что докладчику для чего то нужно было умолчать о заслугах одних и развенчать других. Это впечатление особенно усилилось тем обстоятельством, что главную часть своих усилий он направил на разбор личности и деятельности покойного Донского Атамана Каледина, выставляя его в самом отрицательном свете, пытаясь посмертно исключить его из казачьей семьи, пришить к русским и даже истоки несчастья Казачества ведя от Каледина.

Можно понять желание Билого сделаться вождем Казачества, но нельзя понять — почему для этого нужно охаять и развенчать всех казачьих героев, до него бывших? Казалось бы, что правое вольноказачье дело, не нуждается ни в каких подтасовках исторических событий, ни в незаслуженных очернениях больших казаков, сумевших живот свой положить за свой народ; казалось бы, что чем благороднее и справедливее будут в своих словах и действиях казаки-националисты, тем скорее и прочнее они завоюют у своих братьев признание и уважение, но, однако, ст. Билый опять и опять оперирует только подтасовкой и неправдой.

И стыдно было мне слушать вполне уместный упрек казака генерала Маркова (с явной симпатией относящегося к национальному движению), который после биловского доклада обратился ко мне: „Когда же вы перестанете лгать", видимо не зная того, что за Билого я ответствен не больше самого вопрошавшего.

После доклада я хотел выступить в числе пожелавших высказаться по докладу. Но мне в слове было отказано, хотя Президиум охотно давал и невольным казакам. Поэтому, мысли, которые обуревали меня во время доклада, я решил изложить здесь, на страницах шурнала:

I. В те мрачные и сумбурные дни, когда застрелился Каледин, а М. П. Богаевский скитался по нашим станицам, когда вооруженные до зубов красногвардейцы рыскали по нашим станицам грабя и насилуя, мы жили слухами и надеждами на „Степной Отряд" Походного Атамана Попова. Вся надежда на избавление, все радостные слухи были связаны только с именем этого генерала, в сторону которого были обращены все наши взоры и помыслы. Нет никакого сомнения, что так обстояло дело и в станицах на Дону, ибо первые же восставшие казаки слали гонцов к Походному Атаману. В этом сохранении светоча веры у казаков и заключается огромная моральная заслуга Походного Атамана перед Донскимъ Казачеством. Теперь можно говорить, что „степняки просто спасали шкуру и не знали что делают", но тогда они были единственной моральной опорой полоненного неприятелем Дона. Есть и другая бесспорная заслуга донцов-степняков политического характера; Степной Отряд Походного Атамана был единственным пунктом, где ни на один день не был спущен перед вторгнувшимся врагом казачий флаг. На всем грандиознейшем пространстве Российской империи, не было места, где развевался бы русский национальный флаг, всюду болталось красное полотнище, только на Дону, именно в Степном Отряде, развевался флаг непокорности, неизменно свидетельствуя о том, что Казачество еще не покорилось, что оно восстанет за Край Родной... Так и случилось. В этом — вторая неоценимая заслуга Степного Отряда. И почему нельзя вольным казакам правдиво об этом сказать. Почему даже человеку, претендующему в „вожди", нужно снижать роль и значение казачьих исторических фигур? — я не понимаю.

II. Если явное неприязненное отношение докладчика к делу Походного Атамана Попова можно об'яснить опасением и ревностью, как к живому и действующему человеку, то уже совсем непонятно — зачем ему понадобилось ворошить кости честного казака — Атамана Каледина!?? . .

Докладчик пытался доказать аудитории, что Каледин был не казак-патриот, а русский. В подтверждение своего положения, он читал длинную выдержку из книги ген. Деникина, где последний говорит, что А. М. Каледин входил в „Триумвират" — Корнилов — Алексеев — Каледин, чем, мол, и доказал свою русскость.

По мнению И. Билого, именно русский патриотизм Каледина и послужил главной причиной казачьего поражения. Каледин, мол, сознательно подчинил казачье русскому, и, если мы желаем добыть свободу, среди нас не должно быть Калединых с их раздвоенностью. . .

Разумется, имя Каледина не нуждается ни в чьей защите. Как бы Билый ни силился развенчать нашего покойного чтимого Атамана, ему все же не удастся поколебать любовь и уважение казаков к имени А. М. Каледина. Имя его слишком высоко стоит, чтобы теперь кто-либо мог запятнать его. Но я в данном случае говорю, как вольный казак, думающий, что такие попытки чернить больших казаков просто невыгодны для казачьего национального движения.

Да, Каледин входил в „Триумвират", который фактически почти не существовал, как действующий

фактор. Но даже входя в этот политический „триумвират", Каледин не вышел из рамок Дона, он не взял роль в делах России, а остался только Донским Атаманом, чем на самом деле и был. Факт этот всем известный, и кто теперь имеет право судить его? . . Во всяком случае, не И. Билый.

Что было в конце 1917 года, когда Каледин входил в этот „Триумвират"? . . Какова была общая ситуация? . . Каково было настроение преобладающей массы казаков тогда? . .

В момент вхождения Каледина в „Триумвират" в преобладающей массе казаков жило политическое настроение в пользу федеративного устройства России. И Каледин, в полном соответствии с настроением своего народа (Казачества), вошел в этот „Триумвират", основатели которого честно обещались Казачеству, наравне с другими народами, право равноправного штата в Рос. Федерации. И никто за это не имеет права его судить. Можно поставить вопрос: как вел бы себя Каледин, если бы он был жив сейчас среди нас, в наших условиях и обстановке?

Я ничуть не сомневаюсь что он также честно защищал бы Основные Законы ВВД., как он — прославленный и обласканный Питером генерал, всем воспитанием связанный с Россией — в нужный момент откликнулся на призыв возрожденного Донского Круга и принял тяжкий пост Донского Выборного Атамана т. е. занял пост, который безусловно был осужден центральным Российским правительством. Надо понять все мужество его шага; Царский генерал подчинился голосу родной казачьей крови. А приняв Атаманский пост, он был и остался лойальным Атаманом, народным избранником. Он безусловно подчинялся всем решениям Круга. На все решения у него был короткий ответ: „*Слушаюсь*".

Вспомните его знаменитый ответ казаку на Круге: „Себе не изменю, станичник!" Этим ответом он органически неразрывно слил себя с Казачеством, и он ему не изменил. И кто может сомневаться в том, что, будь жив, он и сейчас неизменно стоял бы на решении Донского, Круга, что „Всевеликое Войско Донское есть самостоятельное государство, основанное на народоправстве", потому что при принятии этого решения он сказал бы обычное: „Слушаюсь", а слову своему Каледин не изменял, не в пример некоторым теперешним казачьим „вождям". . .

Во всяком случае, попытка очернить имя Каледина сегодня просто омерзительна. Каледин не был русским человеком. Он был большой и честнейший казак. Кто говорит противное, тот заведомо говорит неправду. А нам, вольным казакам, защищающим казачью правду и правоту, нужно говорить прежде всего правду и только правду.

Тот, кто берет сейчас на себя патент всезнайки задним числом, просто смешон в глазах серьезных людей. После событий всегда легко разбирать и находить причины, но редко кто может верно разбираться во время самих событий. Ведь, задним умом даже мужик крепок! Тем более жалок тот, кто через 20 лет натягивает на себя (так неидущую к нему) тогу великого провидца. Ведь, в тех самых событиях все мы, без исключения, принимали то или иное участие. Кто из нас *тогда* поставил правильный диагноз и предсказал правильный прогноз? Никто! . . Все мы несли тогда на себе тяжесть двухсотлетней вынужденной политической бездеятельности и, в большинстве случаев, брели в потемках, скорее инстинктивно, чем сознательно.

Тот же самый докладчик, всегда козыряющий тем, что он еще дома был видным политическим деятелем (членом парламента), где и как он проявил свои таланты и указал на правильное решение казачьего вопроса? Нигде и ни в чем! . . . В то время, когда имя Каледина гремело, как вождя Казачества, по всей России, когда тогдашний кумир русских Керенский мобилизовал на борьбу с Калединым два военных округа, наш докладчик нерешительно блуждал меж двух сосен: Российской федерацией и украинизмом на Кубани. Разница была только в том, что с Калединым считались и звали в „Триумвират", а о том, что на свете „живет и работает" г. Бобчинский никто не знал. И не пристало ему теперь неприлично кивать на А. М. Каледина!

Ибо, неправда, что Каледин был больше русский, чем казак, а потому — де сознательно подчинил казачье русскому, тем самым погубил все казачье дело.

Если у него были невольные ошибки, то он за это заплатил слишком дорогую цену — свою жизнь. Слишком страшную трагедию он перенес. Перед этой трагедией все должны замолкнуть! Помните же, господа, умер он не как русский человек, а как казак, как первый выборный Донской Атаман, на своем посту. И не потому, что Россия развалилась и он, как русский человек, не мог пережить этого развала. Нет! Единственной причиной его смерти была казачья болезнь. Достойнейший казак умер, будучи не в силах пережить именно казачью трагедию!

Умер он не потому, что красная Россия навалилась на Дон, а от того, что *казак на казака* пошел. Перед смертью он говорил, что не остановился бы перед пролитьем любой крови во имя Дона; с одной казачьей дивизией он отбил бы все нападения. Но как казак, против казаков он не может послать казаков, не может проливать братскую казачью кровь!

И этот благороднейший человек и достойнейший казак был нравственно убит страшной казачьей трагедией и выбрал он для себя крайний выход из положения. . .

И кто его теперь попрекает его „русскостью", тот говорит заведомую неправду.

Говорите же, господа, правду! Это нужно во имя того большого дела, коему мы пытаемся посильно служить!

Честное констатирование фактов тех страшных лет совсем не значит, что мы вредим делу ВК. Говоря, что в 1917 году у казаков преобладало настроение войти в состав проэктировавшейся тогда Российской федерации, мы вместе с тем отчетливо должны подчеркивать, что у тех же казаков во все времена крепко жило твердое сознание своей обособленности от русских. Они всегда самих себя резко противопоставляли российским мужикам,

Дон — России. Именно на этой основе народной зародилась и оформилась идея о полной государственной независимости Казачества.

Но тогда у всех без изключения казаков была политическая неопределенность. Кто утверждает, что казаки всегда мыслили свое существование в такой форме, в какой сейчас мыслят вольные казаки, тот говорит неправду.

Был долгий период, когда казаки и формально а фактически были совершенно независимы от русских, России. Тот, кто посягал на их независимость, всегда получал достойный отпор.

Но затем был и двухсотлетний период полного вынужденного подчинения казаков России, в течение которого огромное государство всей своей мощью давило на казаков в том направлении, чтобы убить в них воспоминание о независимом прошлом, вытравить из них сознание обособленности от русских.

В результате такого долгого явления и получилось то, что в 1917 году казаки не имели ясной конечной политической цели. И, тем не менее, далекое прошлое казаков проснулось в те годы и Казачьи Войска об'явили свою независимость, правда, в иных войсках мыслившуюся „впредь до".

Честно констатируя эти факты казачьего прошлого, и честно обосновывая (в силу внутреннего и внешного положения) жизненную необходимость для Казачества стремиться к полной государственной независимости, мы сможем принести наибольшую пользу нашему общему делу.

И для всякого казака, с'умевшего освободиться от чар русской исторической шпаргалки на счет казачьего прошлого, с'умевшего освободиться из под власти русской культуры, русского воспитания, ясно, что *вне полной государственной независимости нет спасения для Казачества.*

И во имя этой для нас дорогой идеи, мы обязаны честно разбирать и оценивать прошлые события, быть благородными в действиях, правдивыми в словах.

Говорите правду! И только правду! Это необходимо во имя освобождения и возрождения многострадального Казачества!

А. Лысенков (Фр.)

„Казачий Майдан"

Стоянка „такси" на одном из „портов" Парижа является излюбленным местом казаков-самостийников, где ежедневно происходят дебаты по казачьим вопросам, и здесь же продается казачья националистическая литература. На эту стоянку заскакивают казаки единонеделимцы, и тогда стоянка превращается в своего рода Казачий Майдан.

Особенно свирепствует с идеей монархизма старый казак Т., а неизменным его оппонентом выступает казак А П. Обычно споры начинаются с вопроса: „Ты за кого, за Казачество или за Россию?". Этот вопрос задается всякому, вновь появившемуся казаку.

Казаки неделимцы всегда отвечают: „И за Казачество и за Россию", но кто за монархическую, а кто за республиканскую, т. е. какая кому нравится. Счастье, что не говорят за Советскую и за „любимого вождя Сталина". Впрочем может быть где и говорят, но у нас этого, слава Богу, не слышно

Есть неделимцы казаки, которые называют националистов анархистами, забывая, что самостийники и есть люди законности и порядка, ибо они свято чтут свои законы и остаются верными казачьей присяги, тогда как неделимцы, гоняясь за двумя зайцами, т. е. за Россией и за Казачеством, нарушают данную ими присягу и следовательно, как непризнающие своих законов, являются анархистами. Полемика между самостийниками и казаками-неделимцами часто доходит почти до рукопашной, но неизменно кончается тем, что спорящие и слушатели идут в „бистро" и дружески пьют „общественную" водку, и что является при этом отрадным, это то, что и самостийники и неделимцы пьют чарки за славу и вольности казачьи.

Русские шоферы, наблюдая за ходом спора казаков, всегда ожидают, что казаки вот-вот подерутся, но каково бывает их удивление, когда эти „заклятые враги" идут все вместе в „бистро", мирно выпивают и дружески беседуют. Дкя русских это удивительно, ибо у них было сильное классовое деление, а у нас было равенство и братство, а главное — казаки привыкли помнить, что у всех казаков один общий интерес, что они настоящие хозяева своей земли, а не русские или китайцы.

Против этой истины едва ли кто из казаков может спорить. Добродушных, братских же споров, рождающихся из различного понимания путей и средств защиты наших казачьих интересов, не будем пугаться, ибо только чрез них мы сойдемся на одном и сольемся в мощный казачий монолит, чтобы суметь защитить подлинный казачий интерес, нашу Казачью Землю. В этом отношении и шумные споры на Парижской площади имеют свою положительную сторону. Казаки и здесь, на чужбине, в вольном споре, не забывают традиций своих старых майданов, где споры и разногласия не выходят за рамки братства и справедливости.

27, 4. 1937 г.

„МАЛО ИСПОВЕДЫВАТЬ ИДЕЮ, НО НЕОБХОДИМО ДЛЯ НЕЕ И РАБОТАТЬ" (Д. Еременко)

„ДОСТОЙНАЯ ВОЛЯ К ВЛАСТИ ВСЕГДА СОПРЯЖЕНА С ЛИЧНОЙ ЖЕРТВЕННОСТЬЮ".

Краткая справка

Некотрыми лицами распуткается среди вольных казаков слух о том, что, будто, нынешний Председатель Центрального Правления Вольного Казачества — Иван Иванович Безуглов не казак. Распуская такой слух, люди эти подбрасывают мысль, что, мол, не чистокровный казак не может играть видную роль в казачьем национальном движении.

Прежде всего, сам по себе такой взгляд в корне ошибочен. В идейном деле не столь важно происхождение человека, сколь его убеждение и деятельность, в пользу идеи. Только демагоги, в собствено кар'ерных целях, могут оперировать аргументами от происхождения, не имея за собою иных положительных данных. Действительность-же показывает, как много может быть предателей, которых мало повесить, из среды самого-же Казачества.

Оставляя эту тему в стороне за полной ненадобностью в данном случае, редакция „Казакии" считает нужным дать вольным казакам краткие и точные сведения о настоящем произхождении И. И. Безуглова, если это кого интересует, чтобы ложные слухи не создавали неверного представления в неосведомленной массе.

Род Безугловых сотни лет живет на Дону. Он ведет свое начало из казаков Запорожских. Предки Безугловых прибыли на Дон приблизительно после разгрома Россией Запорожской Сечи, когда многие запорожцы принуждены были разбредаться в разные стороны. На Украине до сих пор есть село — Безуглівка.

На Дону Безугловых две ветви. Представители одной до сих пор остались Безуглыми, а другие — приписавшись к Донскому Казачеству — стали Безугловыми. И Безуглых и Безугловых на Дону в Сальском Округе множество семей, овцеводов и коннозаводчичов. Иван Иванович Безуглов —казак станицы Великокняжеской.

По материнской линии И. И. Безуглов происходит от казаков Константиновской станицы — Корольковых; бабушка — родная сестра известного на Дону Генерала Ивана Даниловича Попова.

Таким образом, Иван Иванович Безуглов является прямым потомком казаков Запорожского и Донского, т. е. дважды казак.

Среднюю школу И. И. кончил в станице Великокняжеской. В эмиграции учился в Высшей школе, где прошел 6 семестров (3 года).

В Вольноказачьем движении, по месту своего жительства, приниемает участие с первого-же года его возникновения. Казачье Большевицкую войну провел в Ермаковском полку (ген. П. М. Губкин).

С,езд казачьей национально-настроенной интеллигенции в ЧСР уже второй раз единогласно избирает его в Председатели Центрального органа ВК.

Настоящие кратке сведения даются исключительно в порядке ответа на демагогию злонамеренных лиц, распускающих нелепые слухи.

Редакция

Мих. Мурзин (Ч. С. Р.)

Казакам — Националистам

Друзья! Большевики,
(Приходится им видно туго),
Как в банке пауки,
Грызут, отчаявшись, друг друга.
То верный знак, что близок час
Казачьего разкрепощенья,
Святого, праведного мщенья,
Расплаты грозный час —
За все обиды, притесненье,
Неволю, голод и глумленье.
И внов воскреснет Дон
Из пепла и развалин!
Стряхнув кошмарный сон,
Всплеснут волною буйной
Кубань и Терек бурный.
Светлеет мрак ночной
И близок свет дневной, —
Заря свободы алая
Сквозь тучи пробивается;
Казачество усталое
Вновь к жизни пробуждается.
Прочь вредные сомненья,
Оставьте распри меж собой;
А прошлому удел — забвенье!
Ряды сомкнув, смелее в бой!

Вас ждет страна родная;
Зовет защитников своих.
И степь от края и до края
Дрогнет от бега скакунов.
Раздастся песня удалая.
Ее вернувшихся сынов
Тяжелым мерным шагом,
Под сине-желто-красным флагом,
Оружьем в такт бряцая,
Стальными касками сверкая,
Пройдут саперы, пластуны.
И воздух с шумом рассекая,
Подобно птичьей стае,
Высоко в небе летуны
Над степью зеленеющей зареют.
И с грохотом и лязгом батареи
Проскачут строем боевым.
Порывом, увлеченное одним,
На страже граней Казакии,
Как грозная стихия,
Щетинясь острием штыков,
Покрытых славою полков,
Казачье войско станет...
Час близок, и он настанет!

Прага, 1937.

Гнат Макуха (Югосл.)

До пана Якова Лопуха.

* * *

І день пройшов і ніч пройшла:
Все ближче до краю.
Що вмру в чужім — поміж чужими,
Про се добре знаю.

Знаю добре — не сховають
У Рідній Країні
А положуть між чужими
Тут десь — на чужині.

Тай промовлять: „Слава Богу!
Одного не стало!
Коли б мерщій вас врангелівців
Смерть усіх прибрала!

Кровопійці ... яничаре!...
Буржуї прокляті!...“
Отак чужі після смерти
Вудуть споминати.

А за віщо?, що подіяв?
Чієї напився?
Краще б було, як би був я
На світ не родився.

Не бачив би сліз козачих,
Не дізнав чужину;
Не проклинав козакорусів
За Рідну Країну.

Не грішив би перед Богом,
Та у чужім стані
Не стогнав би, після праці
На чужому лані.

А то тепер, та цур йому!
Про се розмовляти,
Однаково, кажуть люде, —
Мертвому лежати.

Чи у РіднІм, чи в чужині,
Спокій всюду буде,
Та й на тім світі чужіі
Свої будуть люде.

А все таки бажається
(Гріх правду ховати)
Хоч би одну хвилиночку
В Рідним побувати.

Та уздріти степ широкий,
Високі могили,
Де колись то маленького
Ніженьки носили.

Тай легти там, як і другі
На вік спочивати,
Та щоб несли на сей спокій
Із рідної хати.

Ось сього, мій любий брате,
Щиро я бажаю...
А не матиму, я знаю І...
Того й проклинаю

Отіх братів недолюдків,
Що за чужі дзвони
Та за чини великиі
Срібляни погони,

Віддали Кубань нещасну
Москалям червоним,
А ті тепер та іх рідні
Поздіймали дзвони

Й обідрали сиромаху
Та ярмо наділи
І мов нужа — нещасную
Навколо обсіли.

Не можу я се забути
І в ночі гадаю
Про спеп вільний, про Край Рідний.
Та Бога прохаю

Покарати всіх прихвостнів
Русаків зазвятих,
Що з козаків, у „козачки“
Пішли панувати.

„Большею частью сепаратное движение вдохновляется самими белыми русскими. Делается ли это искренне или из тактических побуждений — мне неясно. Но, если идея расчленения России исходит от самих русских, то НЕЛЬЗЯ ОТКАЗАТЬ ДРУГИМ НАЦИОНАЛЬНОСТЯМ РОССИИ В ПРАВЕ ПОРВАТЬ СВОИ СВЯЗИ С НЕЮ. И державы будутъ только приветствовать этотъ процесс. Ибо занимающая одну шестую часть земного шара Россия поистине слишком громоздка и вызывает слишком много беспокойства и своими порывами и своими левыми крайностями. Великобритания будет в восторге от крушения Русской империи... В 1918 году она, ведь, первою признала Балтийския государства, Украину и Грузию. Что касается роли Японии... то все дороги ведут в Токио... Япония стремится быть „стабилизирующим“ фактором в Азии, претворив мечтания барона Танака в действительность“. (Из статьи американского журналиста в Харбине, напечатанной в журнале „Де Шина Виклей“).

А. И. Бояринов (Франция)

Серпиешка и прокурор

(окончание)

Серпиешка смотрел на комическую фигуру прокурора и в душе надрывался от хохота. Он еле сдерживался, боясь рассердить Евгения Ивановича, который небольшой, с'ежившийся комком лопух принял за утку,

Досадно было прокурору так оплошать. И обидно за потерянный труд — столько ползли — и за упущенный случай с первого же разу убить утку, и совестно перед Серпионом так постыдно оскандалиться — вместо утки угодить в лопух.

Встали, отряхнулись, расправили утомленные ползаньем тела и пошли под вербу немножко отдохнуть. Желая ободрить бывшего не в духе прокурора, Серпион предложил идти к другому озеру — Протоке, видневшемуся вправо.

— До вечера ведь далеко, сейчас жара спадет, и будет самое удобное время для охоты.

После неудачи у прокурора появилось такое страстное желание убить во что бы то ни стало несколько уток, как будто он в них видел злейших врагов, нанесших ему какую-то кровную обиду.

На протоке полоскалось с десяток разных пород уток. Озеро было мельче Черепашьего и кругом заросло кугой и камышом. Нужно было брести по воде, чтобы подобраться к уткам. Серпион снял чирики и засучил штаны, а Евгений Иванович решил брести в так называемых непромокаемых, брезентовых сапогах. Прокурор нервничал, торопился наверстать промах, сделанный на Черепашьем, а потому не был достаточно осторожен. Заслышав шорох, утки вспорхнули и улетели на Черепашье.

Решено было возвращаться туда и, чтобы не ползти, стали подкрадываться с другой стороны, поросшей камышом и кугой. Снова нужно было брести. И снова неосторожный шорох нервничавшего прокурора вспугнул уток.

Евгений Иванович махнул рукой и с досады решил, отдохнув немного, возвращаться домой. Возвращение была печально. Прокурор был в дурном, вследствие неудачи, настроении, страшно устал и еле двигался в намокших, отяжелевших брезентовых ботах, от воды набухших и сделавшихся грубыми, как дерево. Поясницу и спину ломило. Ноги гнулись и вихлялись, как хворостинные. Разумеется, Серпиешке эта прогулка была нипочем — одно удовольствие. Он шел сзади, как и полагается оруженосцу, и посмеивался над своим рыцарем

„Ноги то вихляются, как таловые. Гайки открутились и подшипники ослабли — вот и болтаются. А шапка — то раскисла . . блин блином . . . И, чорт их знает, какие-то холстовые сапоги — сроду не видел. И бороденка обвисла и лицо — то краше в гроб кладут . . . Эх, бедняга — туда-же . . . охотник!“. . И Серпион прибавлял новые краски к той сочной каррикатуре, которая сама собой, помимо его воли, уже складывалась в его развеселой и смешливой голове.

Домой Евгений Иванович пришел расстроенный и совсем разбитый. Это сразу же заметили и брат и его жена. На их участливый вопрос они получили короткий ответ: „Без привычки немного устал“.

Спать лег Евгений Иванович рано. Сначала заснул тяжелым сном, а затем в голову ползла какая-то дрянь, невообразимый сумбур.

Невестка, т. е. дьяконица, подает на стол, а у нее утиный нос и, вместо человеческих слов, она крякает. Тут же Серпион с утиным носом наливает рюмку водти и подносит ее к этому утиному носу. У брата тоже утиный нос и широкая борода на шее. Теща тоже с утиным носом оседлала помело и поднялась над Черепашьим озером, а затем с таким же носом и жена в ступе пустилась вслед за матерью. У Черепашьего озера тоже вдруг вырос огромнейший утиный нос, и оно вылезло из своих берегов и вместе с камышами двинулось к Протоке. Все — и люди, и луга, и леса смешались в каком-то диком, невообразимом хаосе и кружились безудержно, сак вихрь, в бедной прокурорской голове. Откроет глаза Евгений Иванович — весь этот хаос изчезает, а закроет глаза — дьявольский шабаш снова начинается. „Что делать!“ — весь в поту спрашивает себя Евгений Иванович — никаких капель, ни порошков, чтобы успокоить . . . нету . . . что делать! На память ему пришел случай из детства:

Спал он на крыльце с бабушкой. Ночь была лунная. У Евгения начала кружиться голова, и он никак не мог уснуть. Тогда бабушка принесла из чулана дедов сапог и заставила в него тютюкать:

— Возьми Евгеня, уткни лицо в голенищу и говори „тю тю“ и плюнь за каждым разом. Сделай так раз десять.

Евгений Иванович помнит, что после этой странной операции он сейчас же отлично уснул. „Разве потютюкать?“ — подумал безпомощный прокурор, но сейчас же устыдился. „До чего же ты дошел, батенька мой!“ — стыдил себя Евгений Иванович — „В этой дурацкой станичной обстановке. Прокурор, а? . . Про-ку-рор и будет в сапог тютюкать! Срам! . .“

И тут-же ему пришла благая мысль. Намочил он платочек в холодной воде и положил его на грудь в область сердца Успокоился и заснул.

Хотя он проснулся и достаточно освеженным но воспоминания о вчерашней усталости, о неудаче на охоте и кошмарном сне так угнетающе подействовали на него, что он решил дня ва посидеть дома. „Не надо было себя форсировать“ — вслух выразил свою думу Евгений Иванович. И это иностранное слово настолько внушительным и убедительным показалось ему, что он совсем успокоился.

Через два дня наши охотники отправились в те же места, что и в первый раз. И также неудачно охотились, также прокурор злился и нервничал. И он и Серпион с досады начали палить вдогонку дале о взлетавшим уткам, напугали их и сделали еще более осторожными и недоступными. Таким же усталым возвращался Евгений Иванович и домой.

Повторилось это несколько раз, пока, наконец, прокурору не удалось убить крупного селезня-крякву. Если бы это случилось в начале каникул, он был бы в неописуемом восторге, но сейчас Евгений Иванович устал, разочаровался и никакого восторга от неожиданной удачи не ощущал.

Тем временем Серпион уже начал изображать перед станичниками прокурора в самых каррикатурных видах — как он крадется под уток, как стреляет в лопух, как поправляет на носу пенс-нэ, как возвращается с охоты с ногами, у которых „гайки развинтились и подшипники разболтались". Публика приходила в восторг от даровой потехи и захлебывалась от смеха.

В одно из воскресений о. дякон, брат Евгения Ивановича, после обеда пошел на церковную площадь, в магазины, купить кое-что по хозяйству. Проходя мимо кучки стоявших у лавок казаков, услышал слово: „прокурор", остановился и видит, что Серпион, окруженный слушателями, представляет какой-то эпизод из охотничьих похождений его брата, прокурора.

Было все преувеличено каррикатурно, но очень похоже на Евгения Ивановича.

Серпиешка согнул из проволоки подобие пенснэ, напялил его на нос, вытягивал подбородок, чтобы изобразить прокурорскую бороденку. Особенно смешно выходило возвращение с охоты прокурора, усталого, разочарованного, с размокшей от пота каскеткой, спускавшейся до ушей, до глаз, с вихлявшимися тонкими ногами. Получалось как-то так, что как будто и в салом деле у них разболтались подшипники, и ноги вихлялись в разные стороны. Каррикатура была злая, и публика от удовольствия ржала.

Обидно стало дьякону за брата. „И стоило ему ввязываться в эту охоту. Ну, какой он охотник — сроду ружья в руках не держал. Только унизил себя перед этой дрянью. Образованный человек, прокурор — и теперь потехой стал. Обидно, да еще как обидно" — сетовал перед женой дьякон.

Конечно, дьякон всего не рассказал брату, но дал ему понять, что Серпиешка много лишнего болтает о прокурорской охоте.

Евгений Иванович уже и разкаивался, что приехал в родную станицу, да еще изобразил из себя охотника. „Почему так случилось, зачем эта шальная мысль влезла в голову!" — недоумевал прокурор: „Что я за охотник, что за стрелок!?. Не понимаю. Психологическая загадка". И снова иностранное слово и этот готовый книжный термин все для Евгения Ивановича определили и успокоили.

Все же он все чаще и чаще стал вспоминать и свою канцелярию и свой домашний кабинет, жену и детишек. И еще страннее ему казалась эта „психологическая загадка" — ни с того ни с сего очутиться в Н-ской станице и бегать за утками по лугам и болотам. „Романтическая чепуха" — укорял себя Евгений Иванович.

Стало тянуть домой.

Охота его уже не занимала. И он решил попытать счастья на рыболовстве. Серпиешка был мастер по этому делу, любил его, знал все места, где, когда и как нужно ловить рыбу или раков.

На первый раз решил идти с бреднем в Черную яму, небольшое озерцо, верстах в двух от станицы. Славилось оно обилием и величиною раков. Бредень Серпиешка достал у кого-то из соседей. И вечером, на другой день, отправились к Черной Яме, с разчетом, чтобы порыбалить зорькой. Немножко припоздали, ибо солнце село, когда они были еще в станице.

С запада надвигались тучи. Пока еще далеко, сверкала молния.

— Может быть, отложим да завтра, Петрович? — поглядывая на запад, неуверенно проговорил прокурор.

— Зачем откладывать, самое в грозу то и рыбалить: и раки и рыба лучше ловятся, — с увереностью ответил Серпион.

Евгений Иванович не стал пративоречить. Пока дошли до выхода из станицы, стало темно. Вместе с тучами быстро надвигалась ночь. Путь к Черной Яме шел по дороге, которая вела к паромной переправе по над старым Доном. Справа от дороги темнела стена густого леса, влево за старым Доном, тоже высились матерые тополя.

Серпиешка с бреднем на плече, с мешком через плечо, тропотил своей птичьей, прыгающей походкой, и Евгений Иванович, еле успевая за ним, тяжело волочил свои таловые, развинченные ноги, имея под мышкой грязный мешок для раков.

Ночь все больше темнела. Грозные, черные, тяжелые тучи ползли, клубились, приближались. Громы стали слышнее, молния сверкала чаще и уже отблески освещали лесную гущу.

Евгений Иванович разкаивался, что согласился на такой, как он в душе укорял себя, „безумный шаг". Без привычки ему было жутко среди этой темени в лесу. Казалось, что лесная чаща полна тех злых существ, о которых ему в детстве постоянно толковали. И вот это таинственные и враждебные человеку силы протягивают к Евгению Ивановичу свои длинные, безкостые, но цепкие руки.

По спине прокурора пробежал холодок. Хотелось вернуться домой. „Э, чорт возьми, что за мерзость! Насажали в детскою голову бабушки и тетушки всякую чепуху, и, вот, всю жизнь никак не отделаешься . . . Образованный прокурор и, скажи, как деревенская баба — всю это ересь считает за реальность. Срам, срам, тысячу раз срам" — урезонивал себя Евгений Иванович.

А тучи клубились, черные, тяжелые, мрачные, как порождения бездны. Молния сверкала все сильнее, и удары грома гудели все ближе. Тянуло влагой, предшественницей дождя. Невидимые руки таинственных лесных обитателей все настойчивее протягивались к Евгению Ивановичу . . .

Когда пришли к Черной Яме, стали падать пока только редкие, отдельные капли дождя.

Черная Яма действительно похожа была на яму. Небольшое, даже маленькое, озерцо опустилось глубоко в круглой яме с песчаными, сначала крутыми, а затем ближе к воде пологими стенами. Вода в нем даже днем казалась черной и ночью была совсем похожа на чернила. Весною это озерцо заливалось водой. А когда вода сбывала, в нем оставалось много рыбы. Кроме того, оно славилось

обилием крупных раков. Говорили, что оно очень глубоко. Во всяком случае, почему-то оно пользовалось дурной славой, и рыбалить в нем не всякий отваживался. Зная еще с детства про эту дурную славу, Евгений Иванович тоже не с охотой согласился на предложение Серпиона.

И репутация озера, и его вид, и прохлаждение воздуха, и мрачное небо с грозою совсем не располагали к рыболовству, и Евгению Ивановичу ечень не хотелось лезть в воду.

Серпион засуетился, быстро сбросил штаны и опорки и поторапливал прокурора:

— Скорее, скорее Евгений Иванович! Евгений Иванович последовал примеру Серпиона, но на ногах оставил взятые по совету дьяконицы толстые шерстяные чулки, чтобы не порезать ноги. Серпион, схватив за один край бредня, быстро вскочил в воду и погрузился до шеи — глубина начиналась почти у самого берега.

Прокурор вяло и зябко последовал за Серпионом. Начали тянуть бредень, и Серпион почти плыл, еле касаясь ногами песчаного дна.

Сделали первую выемку. В бредне прыгали десятка два окуней (чекомасов), судаков (сул), пара сазанов (карп) и темнела шуршащая куча раков. Серпиои был в восторге — улов отличный. Это настроение передалось и Евгению Ивановичу. Наконец то, он возьмет реванш над охотничьими неудачами. И Евгений Иванович уже веселее начал второй заход с бреднем. Второй улов тоже был отличным.

Молния сверкала уже беспрестанно. По озеру, лесу и небу пробегали волны света. Евгению Ивановичу снова стало не по себе, и он снова стал раскаиваться, что сдался на убеждения Серпиона и пошел в такую погоду на рыбальство.

„Экая, чорт, возьми, шляпа безвольная, а еще прокурор!“ — негодовал на себя Евгений Иванович.

Вдруг впереди бредня всплыло какое-то чудовище — чорное, волосатое, с массой вытянутых шупальцев. У Евгения Ивановича захолонуло сердце, согнулись ноги: „что это, Петрович!?“

— Чорт! — крикнул Серпион и сделал движение к берегу.

— О-о-ох! — ахнул прокурор. Нервы его не выдержали. Бросил он бредень, забыл штаны, сапоги, метнулся к лесу, вскочил на крутизну и помчался к станице.

Напрасно Серпион кричал ему остановиться, вернуться. Прокурор не слышал и мчался, подгоняемый видением водяного чорта и тысячами невидимых рук лесных обитателей, протянутых к его прокурорской, спине.

Переходил он в шаг, отдыхая минуту и снова бежал, нелепо болтая своими развинченными ногами в мокрых кальсонах и чулках. И только у первых станичных хат пришел в себя. Пришел в себя и ужаснулся. „Что со мною, что я наделал, какой позор?“ . . . пронеслось в голове Евгения Ивановича. Однако, возвращаться назад у него не было ни мужества, ни силы.

И он вяло, вовсем сасслабленный, пошел домой.

Тем временем Серпион вытащил бредень из воды, свернул его, вытянул на берег „чорта“, которым оказалась неболшая, старая, почерневшая, волосатая верба; забрав рыбу, раков, отнес все это в лес, под густое дерево и вернулся за прокурорской одежей. Бредень он оставил в лесу, прокурорскую одежу, раков, рыбу, переждав дождь, взял с собою в станицу.

Евгений Иванович не спал всю ночь и хотя укутался в теплое одеало, но дрожал, как в лихорадке и с ужасом ждал наступления дня. „Какой срам, какой стыд! Надо уезжать. Ах, эти нервы!“ —бичевал он себя.

К утру, однако, Евгений Иванович заснул тяжелым, кошмарным сном. Проснулся он все же рано. Выглянул в окно и увидел на крыльце свои мокрые доспехи — повешенные штаны и выставленные на солнце брезентовые сапоги. „Уже принес Серпиешка . . . Рано. И, небойсь, уж рассказал по всей станице. Да, надо ехать, ехать, бежать . . . Завтра же! . . .“

Серпион, конечно, еше раненько рассказал со всякими прикрасами про ночное приключение, закончив свой рассказ словами: „Когда я утром ходил за бреднем и посмотрел, где прокурор выпрыгнул на яр, так удивился, как он одним махом мог выскочить на такую высоту . . . Что значит страхто и откуда взялись силы в таловых ногах?“. . .

К вечеру уже вся станица знала. Нашлись доброхоты и рассказали дьякону. На следуюяий день удрученный дьякон за завтраком спросил брата: „Что у вас, Евгений, случилось ночью на рыболовстве? Серпиешка рассказывает всякие гадости про тебя по станице. Нельзя ли укоротить язык, за клевету притянуть, а ? Следовало бы проучить . . .“

Евгений Иванович сначала промолчал, а потом процедил сквозь зубы: „На чужой, брат, роток, не накинешь платок . . . Завтра я уезжаю. Найди, пожалуйста, извозчика.

— Что ты . . . побыл бы еще, отдохнул — бы. Плюнул бы на охоту и рыболовство.“

В душе, однако, дьякон и дьяконица были довольны. Мало радости принес им приезд Евгения Ивановича. С первых дней его пребывания в станице, приходится слушать всякие сплетни, намеки, уколы относительно охотничьих похождений. И наконец, это ночное происшествие — форменный скандал.

На другой день Евгений Иванович, сухо попрощавшись с братом и его женой уехал на станцию железной дороги.

Июльские жары окончательно выжгли степь. И под пылающим огненным небом лежала она, широко размечтавшаяся, высохшая, серая, пыльная и скучная, и кружились по ней рыжие вихри, поднимая сухую перекатиху чуть не до неба.

„Господи, да какая же тоска. Наврал этот Гоголь про красоту степей, безсовестно наврал“ — шептал про себя Евгений Иванович.

Сухенькие лошадки бойко бежали. Возница, помахивая кнутом, сбивал с их крупов и спин надоедливых мух. Рыжая пыль, вздымаемая копытами

лошадей и колесами, густым слоем ложилась на прокурорскую бороду, на белый халат, сохранившийся у Евгения Ивановича от времени его следовательских раз'ездов, лезла в глаза, забивала нос, и Евгений Иванович с великим нетерпением ждал когда-то он сядет в купэ II класса и умчится подальше — и от скучной степи, и от родной станицы, и от охоты, и от Черной Ямы, и особенно от этого „гнусного" Серпиешки . . .

(Конец)

---

† Проф. Ф. А. Щербина

Пережитое, передуманное и осуществленное

(Продолжение)

Между тем поднявшееся солнце начало жарить нас не на шутку. Силно парило. Была совершенная тишина без мелейшего движения в воздухе. Мы изрядно устали и обливались потом. К довершению наших бед и неудач Андрей начал плакать и просить воды. У меня тоже пересохло в горле и я также был не далек от того, чтобы последовать примеру Андрея. Вася крепился. „Треба, ободрял он нас, — „ще трошечке проіхати і ми найдемо там біля дороги будяки (чертополох), а в нижніх листочках будяків бувае вода". Это породило некоторую надежду и снова мы собрались, чтобы двинуться в путь. Но Андрей не двигался с места, плакал и приговаривал: „Ой, питочки хочу!" Я видел, как отчаяние отразилось на лице Васи и чтобы не впасть в безнадежное состояние, я облегчил себя таким-же плачем. Сам Вася молча отвернулся в сторону и утирал рукавом нос и глаза.

За этим непрактичным занятием мы не заметили, как на нашей дороге показалась подвода. Когда она приблизилась к нам и мы расслышали стук колес, Вася сообщил нам с явным под'емом духа: „Чемериця в царину іде". Это ехал наш сосед по царине на своих рябых волах. Поровнявшись с нами он остановил волов, медленно слез с воза и подошел к нам.

— Здорово були сусіди! — произнес он с напускною серьезностью, точно здоровался с взрослыми, и только его черные усы слегка вздрагивали от сдерживаемого смеха.

Чемериця был круглолицый, крепко сложеный, веселый и остроумный казак. Небольшие черные усы на красивом лице, прямой нос, большие черные глаза, под черными же, как смоль, бровями, казалось, как бы нарочно были расположены, чтобы Чемериця или сам смеялся, или смешил других. Глядя на его веселый вид, доброжелательную улыбку и дружественное отношение ко всем, начиная со стариков и кончая детьми, невольно появлялась улыбка у тех, кто соприкасался с ним. Чемериця, видимо, сразу уловил комизм нашего положения и, сообразно с этим, держал себя серьезно с явным незлобивым юмором и готовностью помочь нам.

Когда Вася глухо со смущением ответил на приветствие Чемерици:

— Здрастуйте, дядьку! — мы с Андреем молчали, Чемериця обратился к Васе с вопросом:

— А куда це Бог вас несе?

— В царину, — ответил Вася.

— Поломались мабуть? — спросил Чемериця, улыбаясь, — як же це воно вийшло?

Мы молчали, не имея желания пускаться в подробности о нашей беде и неудачах. Но тут выручил нас Андрей.

— А так, — заговорил он, — коли ми спускались з гори у балку, а вони везли мене, як коні, — Андрей указал на нас, — та тихо бігли, а я на них як крикнув: „з гори на горку, пан дасть на водку!", а вони як побігли скоріше, а повозочка як догнала іх, а вони як попадали, а повозочка через них, а я з повозочки в репьях був, от як воно вийшло! — пояснил Андрей.

Выслушав эти пояснения, Чемериця не выдержал серьезного настроения и весело расхохотался, взявшись за бока; смеялся вместе с ним Андрей, смеялись и мы с Васей. Не успел Чемериця придти в себя, как Андрей неожиданно обратился к нему: „А чи не можна, дядинька, привязати нашу повозочку до вашего воза?

— Чом не можна? . . Можна! — ответил Чемериця и, потрагивая колеса на осях от нашей повозочки, сказал: „Це ж не повозочка, а одни колеса на осях. Що воно вийде у нас з вами, пане? — обратился он не без юмора к Андрею.

— Вийде гарно, ей Богу гарно!, — забожился Андрей — І ми і повозочка наша приідимо з вами в нащу царину до Явтуха".

Чемериця с своей стороны подтвердил соображение Андрюши: „Правда пане, правда!" — а сам чуть не падал со смеха, повторяя слова Андрея: „привяжемо вашу повозочку до мого воза і приіде ваша повозочка на царину до Явтуха!"

И вслед за этим Чемериця уложил колеса и тесины на воз, усадил туда же Андрея, сам сел рядом, а я и Вася, после его приглажения, „пожалуйте і ви на віз", взобрались туда же.

— Гей! — крикнул он на волов и мы, весело поглядывая друг на друга, двинулись в царину „до Явтуха".

Так неожиданно для нас вызволил нас из беды Чемериця. Мы ожили, сидя на возу. Я и Вася, поместившись за спиною Чемерици, молчали, а словоохотливый Андрей донимал вопросами Чемерицю.

— А воли, — спрашивал он Чемерицю, — перекидають віз, як спускаються з гори?

— Як дурні та норовисті волі то такі можуть перекинути віз, — поучительно пояснял Чемериця, — та на таких волах мало хто іздить, а старі навиклі, хоч який важкий віз, а вони спустят його з гори, не перекинуть.

— А ваші воли такі, що не перекидають віз? — допрашивал Андрей.

— Такі — коротко ответил Чемериця.

— І у нас, що з Явтухом, тож такі, що не перекидають воза! — продолжал Андрей.

— Тож такіі — нехотя подтвердил Чемериця. Чтоб избавиться от подобного рода вопросов, он, видимо, переменил разговор и в свою очередь спросил Анрея:

— Чого ж то ви на повозочці поіхали до Явтуха?

— А так! — ответил Андрей.

— От тобі й на! — с улыбкою воскликнул Чемериця — як так? Що ви будете робить у Явтуха?

— Як приідемо до Явтуха, — с живостью заговорил Андрей, то я заразже буду пить і пить воду.

— Чого ж то так? — с удивлением осведомился в нащу сторону. В ответ на это Вася рассказал Чемериці, как Андрей два раза уже плакал и приговаривал: „Ой питочки хочется!".

— Так чом же ви не сказали мені раніш, що вам усім мабудь води хочеться? заговорил Чемериця — із станиці я везу ось цілий баклаг с водою и передал нам со словами: „Нате! Пийте собі на здоровля, скільки нутро просе".

Мы по очереди, приложились к баклагу и утолили свою жажду. Через час мы под'ехали к подине, возле которой была у нас и у Чемериці царина. Еще издали мы заметили, как Явтух „тягав волами" копны сена. Поравнявшись с ним, Чемериця остачовил волов и крикнул Явтуху:

— Явтуше! а ну лишень іди сюди! . .

Когда Явтух подошел к нам, то Чемериця с серьезным видом и с напускною важностью сказал: „Примай лиш, Явтуше, од мене одного пана и пару коней с колесами!" и громко расхохотался.

Явтух с недоумением смотрел, то на нас, то на хохочушего Чемерицю, не понимая в чем дело. Но когда Чемериця комически и со свойственным ему юмором, изобразил Явтуху то курьезное положение, в каком он нашел нас возле Слабизьонової балки и случившееся с нами приключение, то оба залились самым веселым хохотом.

(Продолж. следует)

А. Н. Трофимов (Фр.)

Степан Тимофеевич Разин

(продолжение)

Как видим, и на острове Разин принимал пока что к себе осторожно, с разбором. И тут к нему проникают казаки только, спознаваемые жителями Паншина и разинцами, что были с ним в городке. Они теперь, как агенты его занимались вербовкой в отряд казаков. Если бы был разрешен проезд на остров всякому российскому сброду, то, конечно, Иван Бакулин, посланец царского воеводы, прикинувшись сторонником Разина, с'умел бы к нему в стан пробраться и сделать разведку. Но допускались лишь казаки, а не чужие люди — голытьба российская, как уверяют нас. Эти последние пойдут потом, когда у Степана будет слава и золотая мошна, когда он ею будет приманивать к себе, как Москва донскую старшину.

Слова же донесения, что „к тем воровским казакам тайным обычаем многи люди ухотят беспрестанно", носят явно преувеличенный характер по отношению сил противника и грозящей опасности, Если бы на самом деле „многие люди" шли, да еще „беспрестанно", т. е. и днем и ночью, в открытую, без контроля, то почему же так мало оказалось при выходе Резина на Волгу? Весь отряд его к тому времени состоял из одной тысячи человек. Так что этот „беспрестанный" поток людей дал за несколько месяцев к весне следующего года всего навсего 700—800 человек к основному ядру. Не так то и много! . .

У страха, правда, глаза велеки, особенно, когда в глазах сидит врожденный страх. Посему и строчили, что к нему все идут и идут „беспрестанно". Поверив этим донесениям, удивляться приходится, как только мог вмещать этот небольшой остров столько людей, так их было много. Там же, где вопрос касается их собственной силы, то воеводы, тоже от „храбрости", плачут от малочисленности гарнизонов и слезно просят царя о помощи, еще не видя и не встречаясь с Разиным Степаном.

У Разина тысяча, а на Волге только за одними крепостными стенами Астрахани, под прикрытием пятисот пушек, сидит отряд в несколько тысяч хорошо обученных стрельцов. И воеводы в отчаянии от „малочисленности" сил; они волнуются, суетятся, сносятся меж собой, уговариваются сами и своих солдат уговаривают стоять покрепче, посылают разведчиков. А там, у Степана на острове, слышен неумолчный гул топоров. Валят лес для постройки судов боевых, конопатят, добывают оружие через жителей Панщина-городка, подводят подсчет своих сил, производят раздел на сотни и десятки, распределяют места. Всяк должен знать свое место на струге и в бою. Атаманом — Степан Тимохфеевич Разин, а в есаулы к нему выбран Ивашка Черноярец. Наконец все готово, все по местам. Знает Степан, что ставит на карту жизнь не одного из этих храбрецов и отдает перед отходом приказ:

„Помолись! И с родною землею,
По обычаю, с поклоном простись!"

И ранним весенним утром 1667 года отряд тронулся в путь дорогу на Волгу.

„Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина,
Протекла, пролегала мать Камышинка река.
Как со собою она вела круты-красны берега,
Круты-красны берега и зеленые луга;
Она устьицем впадала в Волгу-матушку;

А по славной было матушке Камышинке реке
Как плыли-то, выплывали все нарядные стружки;
Уж на тех ли на стружках удалые молодцы,
Удалые молодцы, всё донские казаки;
На них шапочки собольи, верхи бархатные,
На них беленьки чулочки, сафьяные сапожки,
На них штаники кумачны во три строчки строчены,
На них тонкие рубашечки с золотым галуном,
Как и сели да гребнули, песенки запели".

Так с ласкою и любовью поет нам народная песня про момент выхода Разина Степана с небольшим отрядом удальцов — казаков на широкий простор Волги-реки — „на них шапочки собольи, верхи бархатные, на них тонкие рубашки с золотым галуном, как и сели да гребнули, песенки запели".

Выйдя на Волгу, атаман опытным взглядом боевого орла смотрел, проплывая вдоль берегов; подыскал удобное, хорошо защищенное место для стана, „что повыше было города Камышина". Подошел, скрыл струги в тени прибрежных отрогов. Поотдаль впереди, на прибрежном холме, маячат посты казаков. Чутко слушает ухо, вперился взляд степняков в пространство весенней воды. Приказ был — ждать и быть на чеку: теперь, ведь, весна, время, когда караваны судов москвичей с богатствами отплывают вниз по реке.

Прошло немного дней, когда однажды на рассвете, чуть зорька замлела на востоке, как казаки на посту услышали плеск весел, говор, команду. — Караван! — доносит дозорный. Вышел на курган сам Степан, посмотрел . . . Хоть и не так то еще были близко они, так, где-то за лесом, еще не видать, но, как всегда, по весенней воде далеко — далеко на заре можно слышать кругом.

Разин подал молча рукой знак к посадке, и вмиг все на местах — не привыкать бывать ребятам в боях. Тихо скользнули к краю затона и, как только суда москвичей вышли на стрежу, неистово дикий клич казачий — на абордаж огласил берега. Вскинулись весла, забурлила вода, рванулись соколами струги. Схватились. Короткий, но страшный лязг топоров-палашей, крики, кровь и . . . добыча в руках у Степана.

Были тут и с червленными орлами на носу суда московского царя, суда патриарха и частных купцов. На одном были ссыльные в Астраханскую крепость, другие заполнены хлебом; много всяких товаров московских. Шли они под сильной охраной стрельцов во главе с сыном боярина Степана Федорова. Молодец был, дрался геройски. Это был первый шаг Разина на Волге, первая встреча с начальными лицами Московского царства, с одним из тех, против которых так накипело на сердце. В силу непоколебимой воли и стального сердца Разин с места решил — потворства не давать. Шутить, жалеть он не намерен. Пусть видит люд простой забитый и бесправный, что Разин крут и жесток в своих отношениях к тем, кто их считает за скот. А стрельцы пусть знают, как сводит он счеты с теми, кто за унижение для себя считал разговаривать с ними.

Слетела с плеч голова начальника отряда, покатилась с ней и головы целовальников царских; полетели в воду купцы-владельцы товаров. Презренный гость Шорин с компанией дошлых людей заболтались на мачтах. Казначея же царского приказал раздеть до нага и посадить на голый песок по ту сторону Волги — пусть посидит, отдохнет.

После первой схватки Разин впервые на Волге перед стрельцами и ссыльными бросает свой зов: „Вам всем воля; идите себе — куда хотите; силой не стану принуждать быть у себя; а кто хочет идти со мной — будет вольный казак. Я пришел бить только бояр, да богатых господ, а с бедными и простыми готов, как брат, всем поделиться" (Костомаров).

„Воля", возможность „бить бояр", возможность быть казаком, отомстить всем этим купцам, под'ячим, дьякам, дворянам, боярам и вообще правящей свите московских вельмож! — Все это было так близко слушавшим его мужикам. Все это давно и у них таилось в сердцах, да . . . храбрости не было, не было человека, кто бы повел, не было главатаря. Тепер он стоял перед ним — Степан — атаман с жгучим, сак у ястреба, взглядом. Этот потворствовать не умеет. Он только бьет и бьет на отмашь — упал и . . . не встанет уж больше боярин постылый. Такому можно поверить и с ним можно решиться идти.

Степан же в них, в этой ораве, пока не нуждался. Знал, что не один из этих безвольных рабов покинет его в первую ночь. И „пускай" их, жалеть не придется, они понесут его слова о воле, о братстве, о битве кровавой с боярством впереди него; расскажут в деревнях, городах и посадах. А как это отзовется в толще народной, будет видно потом. Сейчас же ему не до них и не до бояр. Москва не уйдет. Пока же надо славу и деньги добыть. Тогда они, эти рабы, сами придут и будут проситься в отряд. Теперь же проку в них мало — с такими ли пускаться в заморские страны?! Пусть лучше своими рассказами они невольно станут его посланцами, разнося повсюду так долгожданную весть о возможной свободе, пусть сеют легенду вокруг имени рыцаря-атамана защитника бедных и обиженных, а он пойдет добывать себе славу и средства. Славу, которая, как магнит, потянет потом к нему весь этот угнетенный народ. И вот тогда то он тряхнет по рабовладельческой Москве и избавит свой Дон от нее. Стрельцы? . . Ну, эти, быть может, еще пригодятся.

Подуванив добычу, направили свой путь на Царицын.

А молва уже шла впереди. Царицын уже знал, что Разин на Волге, что идет он с отрядом сюда. Воевода Андрей Унковский затрясся в испуге. Он, воевода, был раб по рождению Разину было не до него. Легко взяв Царицын, чуть-чуть попугал воеводу и, не задерживаясь, спускается вниз. У него на стругах сидит уже 1300 человек с теми стрельцами, что присоединились к нему. Подойдя к Черному Яру, не тронул его. Минует без боя и Красный Яр; в сторене оставляет и Астрахань с ее гарнизоном стрельцов и держит путь к Яицким казакам. Эти ждут его давно — посланцы от них приходили к нему, когда он еще стоял на острове у Паншина-городка.

После недельноto боя с отрядом Степана, стрельцы, засевшие в крепостных башнях Яика,

здались. Сдавшись, присоединились к нему, А в ночь многие из них пустились бежать. Не мало их голов легло за это у крепостных стен. Степану Разину ставят это в вину, что он де говорит одно, а делает другое. Говорит, что „силой не стану принуждать быть у себя", а когда люди не присоединились и хотели уйти в Астрахань — побил. Это обвинение Разина в свободе только для себя, в том, что он не умел держать своего обещания — быть братом со всеми, кто с ним, несправедливо и ни на чем не основано. Раз стрельцы, не выдержав боя, сдались, а сдавшись — присоединились, то они, понятно, за попытку бежать должны были понести наказание. При сдаче им был предложен выбор — стать к Степану или уходить к воеводам. Решили стать. Взялся за гуж, так не говори, что не дюж. Вошел в отряд, так не убегай, не изменяй А раз изменил, получай по заслугам — смерть. Вместе со многими стрельцами был казнен и их голова, Иван Яицын.

(Продолжение следует)

Петро Манченко (ЧСР)

З доби болгарського лихоліття

(З циклю популярних історичних нарисів.)

Хвиля великої татарської інвазії, зломлюючи опір, спустошуючи все на своєму шляху, грізним валом прокотилася східною Европою й опанувавши нею, продовжила експанзію на захід.

Не оминула та лиха година й Болгарію, яка не в стані була протиставитися прудкому напорові непереможних азійських номадів.

Батиів брат-у-перших Кадан, після переслідування угорського короля Бели IV-го, навалився зі своїми дикими ордами на Болгарію. Коли хан Батий дістав відомість про смерть великого хана Оготая, то лишив свое діло спустошення Угорщини й рішив повернутися на схід, але пряму дорогу оминаючи, він зубочив у Болгарію на з'єднання з Каданом. З'єднаними силами татари ще з більшою енергією зайнялися жорстоким спустошенням болгарських земель, примусили болгарського царя Калимана I-го зобовязатися платити данину й після того рушили на схід знову через Україну.

Татарська інвазія була першопричиною надзвичайного ослаблення болгарської держави в середині XIII го століття, й те ослаблення давало привід візантійцям не раз користати зі скрутного положення сусідньої держави. Після смерти недолітнього болгарського царя Калимана I-го (1246 р.) візантійці, як каже Ів. Кепов, „нахлинули в Болгарію й без всякого спротиву заволоділи всима її землями від Одрина до Вардару".

На північному заході угорці забрали Білгородську та Враничівську области.

„Протягом де-кількох місяців", каже Іван Кепов*), „обширне болгарське царство втратило величезну частину своїх земель і Болгарія швидко падає в становище другорядної держави, яка, як то кажуть, немає ніякого значіння в межнародньому житті. Де-що більше: її трон стає прицільною точкою для ріжноманітних узурпаторів".

Одним з претендентів на болгарський трон у ту добу був *Ростислав*, син чернигівського князя Михайла Всеволодовича. Спочатку він був новгородським князем, але після татарського погрому втік до Угорщини, де знайшов захист і притулок у короля Бели IV-го. Ростислав в Угорщині одружився з королівною Ганною. Бела IV-й зробив Ростислава управителем північної Боснії, Мачви, й захопленої від болгар Браничівської области. Управління Браничівською областю послужило йому правом титулуватися герцогом болгарським (dux bulgarorum). Ростислав став провідником завойовничої політики Угорщини проти Болгарії. Маючи запевнену приязнь угорської коронои, Ростислав прямує до захоплення болгарського трону й з тою метою споріднюється з болгарським царем. Одна з дочок Ростислава вийшла заміж за болгарського царя Михайла-Асена й стала болгарською царицею. Друга дочка князя Ростислава Кунигунда стала чеською королевою, яко дружина короля Пржемисла Отокара II-го.

10-тилітнє царювання Михайла-Асена (1246-57) закінчилося трагично: він упав жертвою змови його брата-у-перших Калимана II-го, який захопив болгарський трон. Щоб надати більшої законности своїм правам на трон, Калиман II-й привласнив собі й овдовілу царицю. Батько ii, болгарський герцог Ростислав, під претекстом охорони дочки в тодішній столиці Болгарії Тирново від можливих сумних наслідків межусобиць, вирушив на чолі угорського війська походом на Болгарію.

Від небезпеки, як рівно ж не маючи піддержки від болгарських бояр, Калиман II-й рятувався втечею, підчас якої наклав головою.

Від того часу Ростислав набув титул імператора болгарського (imperator Bulgarorum).

Другим чужостороннім претендентом на трон у добу болгарського лихоліття був *Яків-Святослав*, який прибув у Болгарію з Галичини з Іваном-Асеном II-м — законним наслідником на болгарський трон.

У Івана-Асена II го р. 1207-го, після смерти його батька, трон захопив його небіж Борил. Іван-Асен II-й примушений був рятуватися втечею в Галичину й перебував там під захистом галицьких бояр 11 років. Коли в Болгарії спалахнуло повстання проти Борила, Іван-Асен II-й прибув з Галичини в Болгарію з двома дружинами українського війська, відвоював ними цілу північну Болгарію й після 7-мимісячної облоги взяв і столицю Тирново.

З Іваном-Асеном II-м у часі його боротьби за трон, яко його побічник був, і Яків-Святослав.

В час царювання Івана-Асена II-го Яків Святослав був на положенні болгарського боярина й

---

*) Іван Кепов: „Последні Асеновци й Тертериевци",

управляв, правдоподібно, областями Берковською, Врачанською, Пиротською та Тирновською. Як видатний адміністратор, він займав видне положення між болгарськими боярами й після смерти царя Асена II-го (у червні р. 1241-го) Яків Святослав набув високого титулу *Деспота*.

Яків Святослав не поривав духового звязку зі своєю старою батьківщиною — Україною; він переслав у Київ болгарський законник (Номоканон).

Угорська експанзія не обмежувалася придбанням пограничних болгарських областей, а повсякчас використовуючи внутрішні слабости болгарської держави, стреміла до дальшого розширення своїх володінь коштом Болгарії.

Угорські королі, в добі від 1270 року й до підпаду під владу Австрії року 1516-го, постійно вживали титул короля болгарського. Початок завойовницьким стремлінням був покладений ще угорським королем Емеріхом, який відвоював (1183 р.) у візантійців болгарські области Белград і Браничево й привласнив титул короля Болгарії.

В період царювання Константина Тихого (1257-77), як каже Ів. Кепов:

„... угорці предприйняли ряд походів на Болгарію, в один з яких розбили болгарське військо біля Плевни й досягли майже Тирнова, нищучи та грабуючи все на шляху. Константин з усима силами боровся проти угорської навали та проти угорського впливу в Болгарії, а в один час встиг зайти в угорську область Сиверин (Мала Валахія) й жорстоко її спустошив. Але при всих зусиллях Константина результат від угорської навали був згубний: після угорського походу (Бели IV-го та його сина Стефана V-го) р. 1266-го північно-західний край Болгарії був відрізаний, попав під безпосередній вплив Угорщини й продовжував існувати як незалежне царство від тирновського, а його володарі привласнили болгарський царський титул — царь болгарів—ц.-т. Imperator Bulgarorum, як зустрічається в західих писемних памятках. Угорці зуміли притягнути на свій бік і українського авантюриста „деспота Болгарії“ Якова Святослава, якому дали управління й Відінською областю й який також титулувався Імператор Булгарорум з явними стремліннями привласнити ціле тирноське царство, особливо після того, як позбавився угорського впливу'.

Небезпеку з боку південного сусіда Константину в перші роки його царювання вдалося віддалювати добросусідськими відносинами. Родинний звязок Константина з недолітнім Іоаном IV-м підкріплював мирні відносини. Відколи Михайло VIII й відібрав трон у Іоана IV-го, приязнь змінилася на ворожнечу. Міць Візантії ще більше зросла від року 1261-го, коли Михайло VIII-й вигнав Балдуіна II-го з Царьгороду й тим ослабив силу Латинської імперії.

Константин необачно поквапився сам напасти на Візантію. Спочатку навіть заволодів північною Македонією зі Скопіє та Прилепом. Одначе Михайло VIII-й не забарився не лише повернути завойовану Константином область, а й заволодів і цілоюо Тракією до Середнєгірря та Старої Полонини, а також заволодів болгарськими чорнморськими портами.

З союзу Константина з татарами й походу на Візантію скористав третій партнер — сулджукський султан Іздін. Болгарія свої володіння назад не дістала, а поход спільників-татар на Візантію через Болгарію показав лише кочовикам богатства болгарських земель і розпалив хижі апетити азіятів; це пізніш мало сумні наслідкі для Константина й його тирновського царства,

З р. 1270-го особиста ворожнеча Константина з Михайлом VIII-м змінилася на приязнь і родинний звязок. Приязнь Візантії по відношенню до Болгарії була їй подиктована великою небезпекою з боку Неапольського короля Карла I-го Анжуйського, у якого знаходили пристанище як осліплений Михайлом VIII-м Іоан IV-й, так і латинський імператор Балдуін II-й. Неапольський король готувався до реставрації зруйнованої латинської імперії. Застрашений цими замірами Михайло VIII-й шукає приятельства тирновського царя, видає за нього заміж сестру-у-перших Марію й при тому обіцює у посаг міста Месемврію та Анхіало. Одначе після вінчання обіцянки не додержав, бо в той час устиг уже поріднитися з угорським королем Стефаном V-м і зі знаменитим у ту добу татарським ватажком Ногаєм і цими родинними звязками забезпечив себе новими надійними союзниками для зашахування як Карла I-го Анжуйського, так і Константина Тихого.

Константин вступає в союз з неапольським королем і в розшуках підмоги із зовні переходить навіть на унію з Римом (р. 1274-го на Ліонському соборі). Ні союз з Неаполем, ні унія не дали істотної допомоги Константину й не зупинили грізної хвилі, що насувалася на Болгаріо з наступом непереможних орд азійських кочовиків.

Внутрішні нелади в державі теж сильно розхитували відпорність Болгарії. Бояри захоплені були інтригами й на їх співпрацю, так потрібну в лихолітті, Константин разраховувати не міг.

Сред таких надзвичайно несприятливих обставин мусів Константин стати в обороні своєї держави перед грізною зовнішньою небезпекою,

В додаток до несприятливо утвореної ситуації виринуло ще одно, нічого доброго не вістувавше явище: зявився „народній провідник“ вівчарь Івайло, який об'єднав біля себе народні маси під гласом оборони від татар, і розласившись триманням влади над масами, виступив проти царя Константина. У першому бою Івайло вийшов переможцем і царь Константин був забитий р. 2277-го.

Користаючи з врутрішніх неладів у Болгарії й зі смерти царя Константина, Візантія висунула нового, вигідного їй, претендента на болгарський трон в особі Івана Асена III-го. Це було великою загрозою для болгарського престолонаслідника, сина овдовілої цариці Марії, недолітнього Михайла II-го. Марія, щоб забезпечити в майбутньому трон за сином, відчинила брами столиці перед повстанчим ватажком, перевінчалася з ним і цим коронувала вівчаря Івайла на царя р. 1278-го.

В XIII му столітті болгарська держава стала ареною для зведення герців — як не за остаточне її приєднання в державні межі, то за поширення й укріплення впливів — двох на той час могутніх ії

сусідів: з півдня позіхала на неі Візантія, а з північного заходу Угорщина.

Ослаблення внутрішнього ладу в Болгарії було сприятливим грунтом для постійного втручання сусідів у ії внутрішнє управління.

Усобиці досягли свого апогею: династиія Асеновців протягом 70-ти років пережила 10 царевбивств.

В страшних муках, надлюдських зусиллях і потоках крови творилося друге болгарське царство.

У казаков-националистов в Праге

18-го апреля с/г. казаки-националисты в Праге инициативой местной станицы им. Некрасова, устроили публичное собрание с докладом инж. Глазкова на тему: „Положение в Родных Краях и пути казачьей эмиграции". Собрание это привлекло такое значительное число посетителей (больше 90 чоловек), которое давно не собирает ни одно казачье собрание. Пришли казаки разных групп, украинцы, грузины и чехи (член Парламента, „Заведующий Иностранным Отделом самой большой партии в ЧСР и редактор чешского националистического органа).

Собрание открыл Атаман Некрасовской Пражской станицы казаков-националистов сотник Н. Н. Каледин. Председательствовал и руководил собранием Полковник. Др. С. А. Федоров, который, приветствовав гостей на их родных языках, сказал краткое вступительное слово, упомнянув, что год тому назад казаки — националисты на подобном же публичном собрании, осветили Казачеству и их друзьям заграницей вопрос о положени Казачества в СССР и роль казачьих зазывателей в советский лагерь из числа, так называемых, „младороссов", которые ныне вполне солидаризуются с „младобольшевиками". „На этом собрании, из содержания доклада, Вы увидите, насколько правы были казаки — националисты в своих прогнозах и утверждениях, подкрепленных, советскими — же данными" — закончил речь Др. Федоров.

Инж, В. Г. Глазков, в весьма содержательном и тщательно составленном докладе, ярко нарисовал картину оцепенения коммунистической власти в Казачьих Землях развал „стахановщины", безчисленных и безпорядочних репрессий в отношении советских сановников в Каз. Землях, вроде не так давно могущественого Шеболдаева, поголовно смещаемых с постов за — „контрреволюционность , „невыполнение заданий по севу" транспорту, беспечность и . . . „за уклоны в пользу местных интересов" т. е. за казачьи! Цифрами и выдержками из „Молота" — органа Сев. Кавказа, „Правды" и иных газет, докладчик с неопровержимой убедительностью демонстрировал перед собранием действительно катастрофическое состояние сева, выполненного в этом в размерах в 11 (одинадцать) раз меньшем, чем в прошлом году, картины развала транспорта и начавшемся голоде в целом ряде губерний в Поволжьи.

Далее докладчик обрисовал распутицу в умах русской эмиграции, фальш младоросских настроений и проявление у казаков всех групп устремлений в пользу возобновления казачьих государственных установлений. Доклад Глазкова продолжался час.

Инж. В. А. Балахнин сделал второй (вставной), доклад на тему о Донском Войсковом Круге в исторической его перспективе, уравнив его со старыми европейскими парламентами, и, как Секретарь Комиссии по созыву. Д. В. Круга ознакомил собранне с работой Комиссии. Нужно отметить, что доклад инж. Балахнина также дышал казачьим национально-политическим настроением.

Далее выступил с речью прибывший из Парижа член ЦП. Шамба Балинов. Его спокойная, об'ективная и убежденная речь на тему о настоящем положении Казачества и о путях возобновления его государственности в данных условиях, произвела на собрание большое впечатление. Он убедительно изложил существенную разность интересов националистов русских и казачьих. С русской точки зрения, для русских, он признавал долю оправданности позиции Милюкова, который, как русский патриот, не видит никакой иной силы, кроме советской власти, которая могла бы удержать целость России в виде хотя бы СССР. Тактику другого русского патриота г. Деникина: „при всех обстоятельствах против советов и во всех случаях за Россию" — оратор считает беспочвенной.

Жизненный-же интерес Казачества, спасение его — только в национальном освобождении и в самостоятельном государстве, так как нахождение Казачества под большевицкой властью несет ему только смерть. Ш. Н. Балинов горячо призывал казаков внимательнее и серьезнее отнестись к положеиию и прислушаться к голосу казаков-националистов, искренне защищающих подлинные казачьи интересы и готовых по братски работать со всеми, кто исренне желает добра Казачеству. В заключение оратор информировал собрание о подготавливающемся казачьем националном с'езде.

Затем выступил Председател Всеславянской борьбы против большевизма в ЧСР, редактор газеты „Обрана Народа" г. В. Велинский, бескомпромиссный противник большевизма. Он высказал свое глубокое удовлетворение по содержанию всего здесь слышанного и подчеркнул готовность чехов-националистов всеми силами помогать Казачеству в его борьбе против общего красного врага. Он сказал, что чешский народ не признал СССР. и не ждет от него спасення, а сближение с СССР есть только политика партий, основанная на ошибочном расчете. Он жестоко разнес тех из казачьих младороссов-младобольшевиков, которые в прошлом году пытались дурить казаков да и чехов оборончеством.

От украинцев, сотрудничающих с казаками националистами, как добрые соседи, выступил Подполк. Др. Б. В. Гозмин. Он сказал, что Украина не имеет никаких поползновений на Казачьи Земли и твердо соблюдает договорные отношения с Доном и Кубанью, установленные в свободном состоянии обоих народов в 1918 году, и желает и в будущем видеть Казачество своим соседом.

Пражские главари младороссов (уже потихоньку переставшие „оборонять" советы) — Н. Н. Твердый и Г. И. Чапчиков — старательно пытались обелиться перед собранием, доказывая, что они — враги большевизма, что они боролись и будут бороться с большевиками. У казаков-националистов они отрицали только их методы, считая их установки в основе правильными.

Курьезно выступил старый калмык А. Очиров, вызвав общее веселье: „Вольные казаки — ничего не значит. А Чапчиков — дурак. Балинов и Чапчиков ругайся, но зачем ругать весь калмыцкий народ". (Речь идет о гнусной демагогической статье в газете Чапчикова „Каз. Наб.", в которой, за деятельность Балинова и Балыкова в ВК, младороссы обвиняют всех калмыков. А. Очиров неграмотный старый калмык, кажется, был единственным монархистом в Праге среди калмыков, а следовательно другом младороссов. Тепер у них и такого не будет. Ред).

Инж. Б. В. Фесенко дал отповед младороссам, раз'яснив непригодность их монархичекких установок к искони народноправному Казачеству.

Сотники Н. Н. Каледин указал, что Казачество не пойдет теперь в качестве авангарда русского империализма и с будущей Россией может иметь сношение, как равный с равным.

Заключительное слово сказал Полк. Др. Федоров. Резюмируя высказанные здесь мысли, он отчетливо подчеркнул основные положения казачьей государственности и указал младороссам, что Великое Войско Кубанское всегда было самым активным борцом против царского угнетения над Казачеством. Еще он указал на то, что казаки националисты ничего иного не делают кроме того, что продолжают то, что делали казачьи парламенты в период восстановления своей государственности после революции 1917 года.

Спокойное и деловое собрание, содержание дакладов и речей, произвели на слушателей приятное впечатление. Рядовое Казачество, пришедшее на собрание, соглашалось с выводами националистов. Они лишний раз увидели, что казаки-националисты самые горячие и искренние защитники казачьих интересов. А иностранцы и соседи Казачества увидели — насколько твердо сидит у казаков национальный дух. Отсутствие пары биловцев, не пожелавших увеличивать аудиторию сторонников Центрального Правления прошло совершенно незамеченным. Казаки-националисты и без них прекрасно защитили свою идею, свои позиции, и дали отпор врагам национального Казачества.

(соб. кор.)

Полк. П. Недбаевский.

Письма.

I.

Походному Атаману Вольных Казаков.

Многоуважаемый Игнат Архипович!

В № — 76 журнала „Казачество („В. К." № — 113) помещено Ваше признание в.-каз. организациям, об'единившимся в Кош, я же лично, на основании наших старинных традиций — отношений рядовых и должностных казаков к своему выборному начальству — буду также прямолинеен и правдив в данном моем разговоре с Вами.

1) Позорный скандал для в.-казаков в Югославянском Округе, учиненный тремя лицами — Н. Букиным, Н. Дмитренко и К. Карнауховым на 4-м Окр. С'езде Вам до мелочей известен. Несмотря на просьбы отдельных станичников, групп и организаций о назначении расследования и новых перевыборов настоящего состава Окр. Правления и Окр. Атамана Вами все же эти выборы были утверждены.

Н, Дмитренко, как представителя журнала „В. К." „в Югославии Вы заменили П. Мерзликиным, а как помощника Окр. Атамана Вы его не утвердили и лишили права в жизни округа на один год; это было в феврале 1936 г. Это моральное лишение свободы равносильно физическому. Между тем Н. Дмитренко продолжает фактически оставаться в должности члена Окр. Правления, заседания которого часто происходят на его же квартире. Кроме того, Н Дмитренко, посещая Вольно — Казачьи организации, выступает с докладами, что видно из корреспонденций, помещаемых в журнале „В К".

Затем вторично Вами было приказано Окр. Атаману Букину доизбрать двух членов к контролеру Карнаухову и именовать впредь Контрольной Комисисей, но это и до сих пор не выполнено.

Будучи утвержден в должности Окр. Атамана, Н. Букин, совместно с вышеуказанными станичниками, посещая в.-каз. организации, продолжал клеветать не только на П. Полякова, но и вообще на всех тех, кто пользуется в в.-каз. среде уважением и кто мог быть ему помехой.

Неудачные и в пьяном виде выступления упомянутых лиц на собраниях русских казаков и русских в белграде, кончившиеся позорным удалением их, угнетающе подействовало на в.-казаков.

Спустя полгода и не видя пользы для в.-каз. движения от настоящего состава Окр. Правления, кроме вреда и позора, Белградская в.-к. имени Фролова станица, последней вышедшая из состава округа, как центральная обратилась к ранее выписавшимся из Округа и вместе создали Кош в.-каз в Югославии, избрав из своей среды и правление.

Должен подчеркнуть, что за целый год и до сего времени никто из образовавших Кош ни одним словом порицания публично не выступал против настоящего состава Окр. Правления, а также и в выпущенном журнале „Казачья Лава". Вами ошибочно сказано, что в.-каз. организации якобы вошли в Кош уже существувавший, а также и употреблено неподходящее выражение „главари".

Создался Кош лишь потому, что в.-каз. организации, ушедшие из Округа, не могли существовать без об'единяющего центра, а главное чтобы быть поддержкой тем, кто, разочаровавшись в работе Окр. Правления, мог легко уйти в русские организации.

Названные выше лица, на основе личных самолюбий и амбиций, как Вы изволили верно выразиться, (а я бы добавил еще — властолюбия и честолюбия), не желают считаться с Вашими распоряжениями, что безусловно продолжает разваливать Округ, принося заметный вред в.-каз. движению. И все

же Вы их, говорящих одно, а делающих другое, признаете „своими“ и приказываете нам подчиниться Вашим ослушникам, грозя, в противном случае, впредь нас не считать своими. Выходит что-то не суразное.

Не мы, ради об'единения разрозненных в.-каз, организаций, создавшие Кош, делим казачьи национальные силы, а те, кто по случайности находятся во главе казачьей массы, не зная ее психологии и не имея способности ею управлять и ставит свое личное благополучие выше общего казачьего.

Мое личное мнение и желание, чтобы не углублять нашего раскола, необходимо войти Кошем и только в состав 5-го Окр. С'езда, как равные члены его, о чем желательно иметь ваше распоряжение.

2) Неоднократно в в.-каз. печати помещаются призывы в.-казаков к об'единению всех вообще казаков около в.-каз. программы, а также и примирению с неправильно называемой „оппозицией“, которая ни в чем не изменяет в.-каз. программе.

С давних пор Вы ведете с этой оппозицей полемику, вернее — перебранку, но, к сожалению, личного характера. Никогда Вы, уже как Пох. Атам., не указали в.-казакам в печати — в чем состоит их тяжкая вина противъ в.-каз. движения, между тем считаете их как злостных врагов и запрещаете под угрозой всякое с ними не то что примирение, а и сношение. Поэтому Ваше упомянутое приказание нам произвело на казачьи умы грустное впечатление и, должен сказать, не в Вашу пользу.

Подобно Вашей „оппозиции“ и из Югославянского Округа ушли все лучшие в.-каз. силы, а между тем нам здесь, в эмиграции, особенно нужны образованные национальные казачьи силы, которые только одни в жестокой борьбе, конечно словом, с таким же врагом и вообще, смогут осуществить наше желание. Исходя из изложенного, Кош и постановил примирение со всеми национальными казачьими силами и работать всем в одной дружной семье для создания свой хаты — Казакии.

Слава Казачеству. 13. II. 1937

II.

Станичнику И. А. Билому

В этом втором моем разговоре с Вами, и уже не как с Походным Атаманом, просто как с редактором и издателем журнала „Вольное Казачество“, буду опять прямолинеен. Не считайте нижеизложенное как бы за неприязнь к Вам, а просто за искреннее излияние наболевшей души казака, любящего свой казачий народ не меньше Вас.

1) Чему я долго не хотел верить, то и произошло, а именно: мое разочарование в вашей партийной работе, как вождя Вольно-Каз. движения. Не зная Ваших способностей быть вождем национального казачьего движения, но зная Вас в ряде лет лишь как издателя вольно-каз. жунала, Югославянский в.-каз. округ выдвинул Вашу кандидатуру на должность Походного Атамана и, как самый большой по численности в эмиграции, решил ваш выбор. Мы, фанатики, бывшие члены Окружного Правления во главе с Окр. Атаманом П. Поляковым, верили в Вашу способность не только управлять казачьей массой, а и в способность собирать ее около себя, и этой своей искренностью потянули за собой и весь состав Югославянского Большого Круга. На этом Б. Кругу один убеленный сединами донской полковник поднял вопрос и о том, почему участия в выборе вождя не приняли и те наши братья казаки единомышленники, за недопуск которых Вами были приняты известные меры.

Я, веря тогда вашим словам, что оппозиционеры действительно хотят погубить наше святое дело освобождения Казачества, ответил горячо в вашу пользу и тем глубоко погрешил против братского предложения донца полковника, о чем теперь я искренне сожалею. (Речь, видимо, идет о полк. И. М. Назарове, после этого с'езда покончившем самоубийством. Ред.)

С выбором Вас Пох. Атаманом на неопределенное время, *что было с нашей стороны непростительной ошибкой*, получился первый и глубокий раскол в семье казаков-националистов, при чем отделилось от нас, ваших ярых тогда поклонников, большая, лучшая и активная часть интеллигенции во главе с матерыми политическими работниками.

2) На нашем 4-м Окр. С'езде было учинено крупное преступление Н. Букиным, Н. Дмитренко и К. Карнауховым, о которых и я повторял вам в письме от 13 февраля 1937 г. Несмотря на виновность указанных лиц, Вы все же двух из них утвердили в главных должностях окружных Атамана и Контролера, чем было положено начало явного развала и самого округа, из состава которого потом выписались некоторые организации, оставаясь по прежнему в Вашем подчинении, и образовали вольно-каз. Кош до созыва 5-го Окр. С'езда.

Вашим приказанием, об'явленным в журнале „ВК“ № 213 („Казачество“ № 76), Вы лишили Кош права участия 4-го апреля 1937 г. на 5-м Окр. С'езде и тем отказались от нас, кошевиков, благодаря чему получился второй раскол в вольно-каз. семье, при чем опять таки отделилась от совместной работы с Вами большая и активная интеллигентная часть Округа.

3) На основании вышеизложенного, невольно закралась в мою душу грустная уверенность, что Вы относитесь нетерпимо ко всем, выше Вас стоящим, и что Вы ведете единолично скрытую от вольных казаков политику, почему своею деятельностью Вы, вместо собирания казаков, разбиваете своих партийцев на мелкие и враждующие группы.

Говорю так потому, что Вы, как политический вождь, как то делается политическими организациями вообще, до сих пор не имеете около себя доверительного оргена, которнй мог бы безболезненно продолжать нашу национальную работу и

тем дать отпор нашим врагам в любом их посягательстве.

Такую вашу работу, не беря греха на душу, можно подвести под § — 10 гл. II. Конституции (проэкта, конечно, Ред.), об'явленной на стр. 4-й журнала „ВК" № 177—179 за 1935 год., т. е. — измена идее Вольного Казачества.

4) В заключение беру на себя смелость сделать и мое личное предложение. Если Вы действительно идейный вождь казаков-националистов и искренне желаете создания самостоятельного казачьего государства, то должны поступиться немногим, а именно: чрезмерным властолюбием и честолюбием в пользу всего Казачества, чем Вы оставили бы для истории Казачества лучшие страницы из Вашей в.-каз. работы в емиграции.

Для этого необходимо, что бы ваши почитатели приняли участие в предстоящем с'езде всех группировок казаков-националистов, коих решение должно быть обязательным для всех вольных казаков.

Только благодаря такому разрешению нашего создавшего тяжелого положения все мы вновь сплотимся в одну сильную и необходимую в эмиграции вольно-каз. семью, которая сумеет завоевать в международной политике достойное себе место и тем ускорит освобождение казачьих земель от нынешних оккупантов и создание независимой Казакии.

Слава Казачеству. 25. IV. 1937.

ПРОТОКОЛ

Заседания В. К. Коша в Югославии

№ 3

4 марта 1937 г.

I.

Решали: Вольно-Казачий Кош в Югославии, на очередном собрании своем, прослушав отзывы казачьей печати по поводу выхода перваго № журнала „Казачья Лава", а также письма отдельных лиц, приветствовавших благое начинание Коша.

Постановили: От широкого казачьего сердца сказать спасибо всем, оказавшим Кошу моральную поддержку.

Редактору Журнала П. Полякову и секретарям Д. В. Родионову и П. М. Мерзликину выразить благодарность за труды по изданию журнала.

II.

Решали: Ознакомившись с программой „Лиги Возрождения Казачества" по журналу „Казачье Дело" и находя, что означенная организация преследует в конечном счете те же цели, что и В. К. Кош,

Постановили: приветствовать Лигу Возрождения Казачества и поручить правлению Коша войти в сношение с упомянутой организацией для об'единения действий по собиранию казачьих сил и дальнейшей работы по осуществлению вольно-казачьей программы.

III.

Решали: Прочитав с глубоким удовлетворением статью Ш. Балинова в журнале „Казачье дело" о едином казачье-национальном фронте, как отвечающую стремлениям Коша и признавая целесобразность выдвинутых автором пожеланий,

Постановили: подтвердить принятое в Коше положение, что все желающие могут печатать свои произведения помимо журнала „Казачья Лава" и во всех казачьих журналах как „Казачество", „Казакия", „Казачье Дело", „Ковыльные Волны", „Наша станица".

И кроме того вменить в обязанность правлению Коша вступить в переписку со всеми В. Казачьими организациями, с целью выяснения возможностей создания одного Казачьего об'единения.

IV.

Решали: Рассмотрев особо распоряжение Пох. Атам. И. А. Билого, напечатанное в № 76 „Казачество", распоряжение для нас обидное, несправедливое и незаслуженное и признавая, что этим распоряжением В. К. Кош освобождается от всех обязательств по отношению к. Пох. Атаману, в свое время добровольно на себя принятых.

Постановили: 1) признать, что никакой „оппозиции" вольно-казачьей нет. Существует отдельное крыло вольно-казачьего движения, возглавляемое Центр. Правлением Казаков Националистов,

2) самым решительным образов протестовать против обвинения Коша в том, что находимся в чьем-то подчинении или действуем по чей-либо указке.

Вольно-Казачи Кош решает свои дела вольными голосами, памятуя лишь благо Казачества, а не выгоды отдельных лиц.

V.

Решали: Исходя из того положения, что:

а) надежды, возлагавшиеся нами при выборах Пох. Атамана И. А. Билого, в части касающейся об'единения Казачества, не оправдались;

б) что разброд в Казачестве увеличивается, а время и события не ждут;

в) что Казачество до настоящего времени не выдвинуло достаточно авторитетного лица, которое могло бы об'единить все Казачество и с успехом отстаивать его интересы и

г) что, наконец, остается единственный путь для об'единения Казачества — это добровольное соглашение существующих организаций.

Постановили: поручить Правлению Коша немедленно приступить с этой целю к предварительным переговорам с вольно-казачьими организациями:

1) группой возглавляемой Пох. Атам. И. А. Билым;

2) Центр. Правлением Каз.-Нац. и

3) Лигой Возрождения Казачества с тем, что в решении вопроса о едином возглавлении Вольно-Казачий Кош участвует как отдельная самостоятельная организация на равных правах с остальными.

Подписали:

Атаман В. К. Коша, Мерзликин Михаил,

Писась, М. Морозов

Казначей Коша, В. Трихлебов

Атаман В. К. Студенческой станицы имени К. Булавина, П. Мерзликин, к. инж.

Атаман В. К. имени Фролова станицы, Петр Резников,

Атаман В. К. имени З. Чепиги Новосадской станицы, П. Недбаевский

Атаман В. К. Придунайской К. Бардижа станицы, Михаил Кашкаха

Помощник Атамана В. К. имени Фролова станицы, С. Кузнецов,

Секретарь Редакции Журнала „Казачья Лава", Д. Родионов,

Писарь В. К. имени Фролова станицы, В. Борисенко

Член В. К. имени Фролова станицы, Г. Анищенко.

Хроника.

— В журнале „Плуг та Меч" № 2 1937, издающемся в Буенос—Айресе, в Аргентине, помещена статья: „Гетьманський рух та козаки націоналисти", обращающая внимание на ряд статей об украйно-казачьих взаимоотношениях в „Казакии" и разбирающих пользу взаимного сотрудничества народов Украины и Казакии, с точки зрения украинской. Статья заканчивается напечатанным жирным шрифтом провозглашением: *„славному козацтву—одлічним лицарям плуга та меча—наш привіт".*

— Газета „Канадійскій фармер" № 13 от 31/III с. г. помещает большую статью Д-ра С. Федорова: „Що таке Козакія" — отповедь на нападение инж. Васюка в газете „Діло". Статья аналогична напечатанной в № 19—20 „Казакии" — „Дубы мамрические".

Эту же самую статью Д-ра С. Федорова, кроме того напечатали: „Січ" выходящая в Чикаго САСШ, „Запорожец" во Франции и „Наша Заря" во Львове, в Галиции. С разных сторон и государств, получены автором от украинских политических деятелей заверения о полном согласии с мыслями, высказанными в статье Д ра Федорова. Статья эта была им написана по предложению украинского прессового отдела. Вымыслы кубанских выродков, как видно, не затемнили мозгов здраво мыслящих украинцев.

— В чешском националистическом органе „Народный вызов" напечатан ряд статей по казачьему и советским вопросам, авторами коих являются инж. Д. Н, Еременко и Д-р Федоров.

— В № 5 с. г. Военно историческаго журнала „Літопис Червоної Калини" — (Львов) Д-р Микола Андрюсяк помещает большую статью-рецензию на брошюру М-ра Б. Галайчука „Про Грузію та грузинів-як грузини волі добивалися" Львів 1936.

Рецензия — „Як грузини віднеслися до кубанського війска" разбирает отношение грузинского правительства к кубанцам, в трагический момент перед сдачей Кубанской армии на Черноморском побережьи 18 апр. 1920 г. По документальным кубанским свидетельствам, он развивает версию Галайчука, что: „когда кубанская армия должна была под напором большевиков перейти границу Грузии, то грузины ее целую неделю не разоружали, ожидая прихода судов для переброски армии на Украину для дальнейшей борьбы". Ничего подобного не было, а поведение правящих кругов Грузии было такого рода, что о нем лучше и не вспоминать. — Сама Грузия потом жестоко поплатилась за это.

— В № 215 „ВК", в примечании к статье ст. Посохова, Билый пишет о том, что он не читал номера 14 „Ков. Волн", что никогда не требовал роспуска Калмыцкой организации и закрытия ее журнала, и что он об этом узнает впервые.

а) За два месяца до этого примечания в № 212 „ВК" был напечатан: „Один ответ", а № 213 „ВК" напечатана статья „Два ответа" — именно по содержанию номера 13—14 „Ков. Волн". Как понять? . . . Видимо, Б. настолько набил руку, что пишет ответы, не читая самих статей!?. . .

б) В своей брошюрке: „Мой ответ" от 24. XI. 1933 года, по вопросу о разрыве с Калм. организацией, Билый писал: . . . „Но, как оказалось потом, организации своей они не распустили, я не имел права признавать такого положения вещей формально". Правда, с 1933 года прошло миого времени, но нельзя же так легко расчитывать на человеческую забывчивость? . . . Несуразное требование Билого было, как известно всем, одним из главных причин отхода от него Балинова и Балыкова с своей организацией. К чему теперь это отрицается?! . .

ПОСТАНОВЛЕНИЕ.

Вольные казаки, проживающие в гор. Хелмно, обсудив вопрос организации казаков в Польше в один национальный округ постановили:

1) Учитывая тяжелое положееие казаков-одиночек и весь вред для Казачества, происходящий от раздробленности и часто враждебного отношения между отдельными организациями и группировками, решили сплотиться в одну дружную семью — вольноказачью группу в городе Хелмно.

2) Просить Окр. Атамана инж. Тулаева зарегистрировать и принять нашу группу-хутор в Округ.

3) Обратиться с призывом ко всем вольным кзазакам и организациям тесно сомкнуться около Окружн. Правл. и дружно приступить к строительству об'единенного Национального Казачьего Округа. Да здравствует Казакия! Да здравствует Польский об'единенный ВК. Округ.

Город Хелмно. 24 IV. 37.

Подх. И. Тарасов, вахм. Пимонов С. ур. Д. Щелков. Ф. Сорокин, ур. В. Лапин.

ПРИГОВОР.

Мы, нижеподписавшиеся в.-казаки: Алпатов Т., Е. Калмыков, Ф. Чесноков, Г. Дурманов и Я. Чесноков, проживающие в районе гор. Острина, обсудив вопрос организации казаков в Польше в один Вольноказачий Округ постановили:

§ 1. Образовать Вольно-Казачью группу в г. Острине,

§ 2. Просить Окр. Ат. Инж. С. Г. Тулаева зарегистрировать нашу группу в Польском Вольноказ. Округе и

§ 3. Приветствозать всех вольных казаков и выразить пожелание скорейшего об'единения всех вольных казаков в Польше в составе одного округа для дружной работы по казачьему вопросу.

Гор. Острин. 1. III. 37.

Т. Алпатов, Я. Чесноков, Г. Дурманов Ф. Чесноков, Е. Калмыков.

(Вольноказачьи группы в гор. Острине и Хелмно утверждаю. Окр. Ат. Инж. Тулаев.)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ.

7 мая 1937 г. мы, нижеподписавшиеся казаки различных войск, рассмотревши предложение Окружного Атамана округа казаков-националистов в Польше о формальном присоединении нашем. т. е. Гродненской группы казаков одиночек, к национальным организациям Вольноказачьего движения постановили:

1. Считая Вольноказачье движение козаков-националистов единственной организацией, способной об'единить вокруг своих знамен всех истинных по духу и крови казаков, признавая идеологию этого движения вполне соответствующим нашим понятиям о казаках и казачьей государственности, к этой организации присоединиться формально.

2. Просить Окружного Атамана о зачислении нас в списки Польского округа казаков-националистов.

3. Настоящим уполномочить Инж. С. Тулаева выт ступать от нашего имени во всех случаях, когда будетребоваться представительство округа на е'езде.

4. Считая, что идеалы национального казачьего движения ни в чем не противоречат интересам Польского государства, подчеркиваем необходимость проведения работы в рамках полнейшей лойальности и уважения к Польше.

В. В. Донского — Г. В. Губарев, Михайлов Е. К., П. Осетров, А. Попов

В. Уральского — С. И. Быков.

(Группу казаков-националистов в составе подписавших вышеприведенное постановление и присоединившихся потом — Т. Линявки (куб), С. Вангула (тер), М. Мостовщикова (уральца) и Красноглазова (донца) утверждаю и в состав округа зачисляю. Окр. Ат. Инж. С. Тулаев).

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на литературно-исторический и информационный журнал

КАЗАКИЯ = КОЗАКІЯ

Условия подписки	на 6 мес:	на год.	отдельн. номера
Во Фрации	12 фр.	24 фр.	2 фр.
В Чехословакии	30 к. ч.	50 к. ч.	5 к. ч.
В Болгарии	60 лева	120 лева	10 лева
В Румынии	80 лей	160 лей	12 лей
В Польше	8 зл.	15 зл.	1 зл.
В Германии	3 р. м.	5 р. м.	50 пф.
В Сев. Америке и др. странах.	1·50 долл.	3 долл.	0·20 долл.

Адрес издательства и склада: АГР. И. М. ЕВСИКОВ, ул. Царь Асень, 69, София.

Печатница „НОВЪ ЖИВОТЪ“, ул. Царь Самуилъ № 61. Тел. 2-48-69 — София.